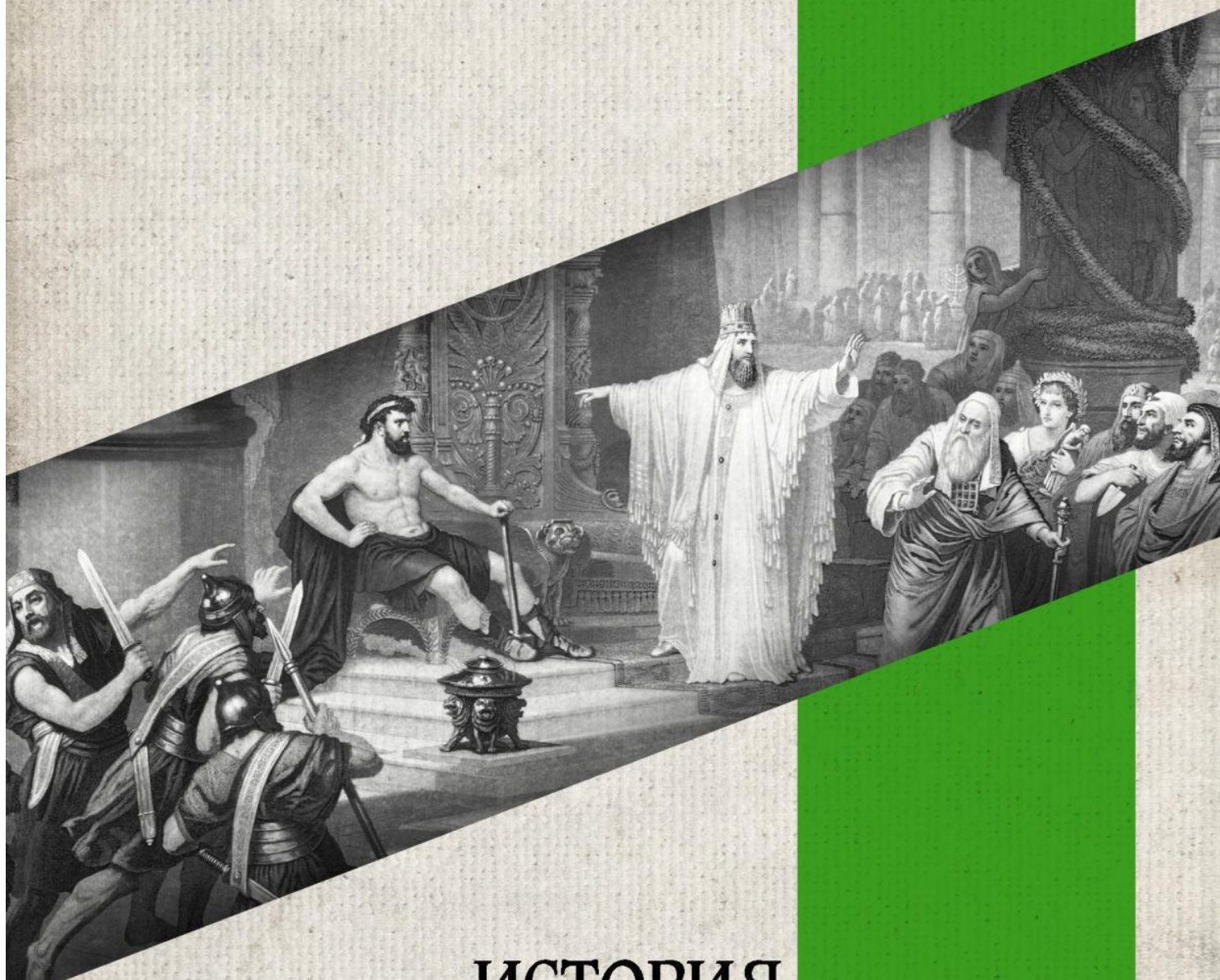

Георг

ШУСТЕР

ИСТОРИЯ
ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВ,
СОЮЗОВ
И ОРДЕНОВ

вся история
в одном томе

Тайны мировой истории

Георг Шустер

**История тайных обществ,
союзов и орденов**

«Издательство АСТ»

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

Шустер Г.

История тайных обществ, союзов и орденов / Г. Шустер —
«Издательство АСТ», — (Тайны мировой истории)

ISBN 978-5-17-113626-0

Эта книга, результат захватывающего исследования, представляет уникальные факты об истории тайных обществ, союзов и орденов. Ее автор, обладая невероятным массивом информации, погружает читателя в таинственные объединения различных эпох и народов по всему миру, рассказывает истории возникновения и развития религиозных союзов и кружков, политических объединений и мистических сообществ. «История тайных обществ, союзов и орденов» – это фундаментальное и увлекательное исследование, не имеющее аналогов по своей широте и глубине исследуемого материала.

УДК 94(100)

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-17-113626-0

© Шустер Г.
© Издательство АСТ

Содержание

Введение	5
Тайные общества и ордена древности	11
Глава 1. Египтяне	11
Страна и народ	11
Религия и культ	13
Тайный союз и тайное учение жрецов в стране Нила	17
Глава 2. Вавилония и Ассирия	22
Страна и люди по Евфрату и Тигру	22
Религия вавилонян и ассирийцев	25
Вавилонско-ассирийский жреческий орден и его тайное учение	26
Глава 3. Иранцы	30
Иран и его обитатели	30
Религия Ирана	33
Орден атраванов и магов	37
Глава 4. Индусы	41
Страна и народ Индии	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Георг Шустер

История тайных обществ, союзов и орденов

Введение

Во все времена и у всех народов существовали общества, союзы и ордена, которые сохраняли в тайне свои цели и приемы. Мы встречаем такие союзы в самых различных формах у диких первобытных народов, в глубокой древности, в мрачные Средние века, а также и в более светлые дни, которые явились на смену суровой, безотрадной эпохе.

Из древних времен нам известны тайные общества египетских и индийских жрецов, пифагорейцев и орфиков, различные греческие и римские мистерии, иудейские ессеи и кельтские друиды.

В Средние века мы встречаем общества плотников и каменщиков, известных под именем *Bauhütten*, впоследствии давших начало обществу свободных каменщиков – масонов; орден тамплиеров, тайные судилища; каланды¹; братства Вольфганга, вальденсов и иезуитов. В Новые и Новейшие времена привлекают внимание розенкрейцеры, иллюминаты и рыцари солнца, карбонарии, секта друзов и дервиши, сицилийские мафиози, греческие гетерии, ирландские фении, *Odd fellows*², масоны и друиды.

Насколько можно судить на основании дошедших до нас, частью весьма скудных, преданий и сведений об этих тайных обществах, они или представляли собой замкнутые кружки людей, возвышавшихся над общим уровнем своими дарованиями и высокими стремлениями, или служили во времена невзгод и гонений верным хранилищем высших духовных сокровищ, религий и философии, а также политических идей.

Казалось, почти все они служили одной и той же высокой цели: просвещению и облагораживанию ближнего, освобождению поработанного человечества от духовного, политического и социального гнета. Впрочем, не подлежит сомнению, что их цели нередко бывали и довольно туманны и даже безнравственны, что под густым покровом таинственности скрывалась лишь гнусная погоня за чинами и титулами, что легкомысленные головы лишь по-детски забавлялись громкими фразами, бессодержательными обрядами и символами. Известно также и то, что нередко заведомые обманщики, фантазеры, личности пошиба Катилины, люди худшего разбора основывали такие общества или же втирались в существующие союзы, чтобы пользоваться ими для своих личных, низменных целей.

В таких случаях духовные плевелы быстро заглушали хорошие всходы и приводили к полной гибели общества, если не вызвали энергичного противодействия, которое ставило предел их преступным стремлениям. Отличительной чертой тайных обществ является стремление громадного большинства их, при своем возникновении и в своем развитии, представить собою необходимое дополнение к политической, религиозной и социальной жизни общества, которое они хотели просветить и исправить своим бескорыстным трудом и самоотверженной деятельностью. Вместе с тем выясняется также и то обстоятельство, что первыми основателями и руководителями таких обществ были исключительно духовные лица, представители разных религий. Как у древних цивилизованных народов, так и в позднейшую христианскую эпоху они

¹ Тайные общества взаимопомощи. – Прим. пер.

² Нечто в роде ремесленных обществ. – Прим. пер.

проявляли неутомимую деятельность в этом направлении, а в жалком существовании диких первобытных народов играли в этом смысле весьма значительную, если не важнейшую роль.

Такое явление для того времени весьма необычно. Оно получает, однако, весьма простое объяснение, если принять во внимание его тесную зависимость от возникновения и развития религиозного самосознания.

Из всех нравственных идей, которые когда-либо существовали, существуют и будут существовать на свете, религиозная идея отличается наибольшей устойчивостью и могущественной длительностью. Ее таинственная власть, непрестанно меняясь, господствует над человеческим сердцем, над нравственностью народной массы: эта идея руководит наукой, искусством и поэзией, всем ходом мировой жизни, историческими путями человечества.

Много веков подряд человечество мучительно работало над уяснением религиозной проблемы, но до сих пор еще не проникло в ее сущность и вместе с тем не разрешило загадки бытия. Философы, теологи, антропологи, скептики, Иов, Аристотель и Софокл, Цицерон, Августин и Фирдоуси, Шекспир, Кальдерон, Вольтер и Шопенгауэр – все они работали над этой проблемой. Но им удалось установить лишь одно основное положение: человек не может отречься от Бога, все равно, стоит ли он на низшей ступени первобытного состояния или же на вершине цивилизации, «человек неизбежно должен проникнуться идеей божества, он не может отречься от нее, как не может освободиться от собственной совести». Гений так же не может быть чуждым религиозного чувства. Как сильна искренняя религиозность, доказал Гете, написав свою превосходную оду «Границы человечества».

Религиозное чувство в человеческом обществе пробуждается значительно раньше, чем люди начинают различать добро и зло.

Конечно, у первобытных народов не существует той ясности, какую мы наблюдаем у иудеев, христиан и магометан. Во всей их духовной жизни нет единства, нет определенной системы. Первобытный человек повсюду вокруг себя видит властные проявления сил природы, которые вызывают в нем тягостное ощущение собственного ничтожества и сознание своей подчиненности. Природа кажется ему подавляющей его враждебной силой, которая со всех сторон бесчисленными препятствиями стесняет и ограничивает волю. И в непрерывной борьбе с этим грозным врагом он не успевает разобраться во внутренней сущности его. Ужасающие его громы и молнии, утренняя и вечерняя зори, страшная сила бушующих ураганов, пламя вулканов, видимое на громадном расстоянии, возмущенные бурей кипящие волны океана – все это поработает его ум и наполняет его страхом и ужасом; с другой стороны, вид звездного неба, согревающие лучи солнца, сияние луны и звезд производят на него глубокое впечатление своим величественным спокойствием и правильной сменой явлений. Даже безбрежная морская гладь, безграничная степь, таинственная тишина первобытного леса, шелест деревьев, тихий плеск источников, уходящие в облака снежные вершины гор расширяют кругозор первобытного человека, этого исполненного предрассудков «существа человеческого рода»; они пробуждают и приковывают к себе его внимание.

Великие явления природы пробуждают в человеческом духе глубокую потребность доискиваться причины каждого явления, каждого события, причем у первобытных народов проявляется сильная склонность до известной степени олицетворять все силы природы. Неправильное применение закона причинности приводит затем к тому, что человек ставит себя в такую зависимость от созданных его воображением признаков, что не в состоянии уже от них отрешиться. Если же предметы внешнего мира представляются одушевленными и обладающими волей, они кажутся также виновниками бедствий, истинная причина которых скрывается от умственного взора человека. Вследствие этого в глубинах человеческого ума возникает смутное предчувствие, что людям удастся со временем сделаться повелителями природы. Человек предается безумной мечте, будто он в состоянии уничтожить или, по крайней мере, ослабить влияние природных сил. Поэтому он прибегает к известным приемам, знакам, изречениям,

которые уже проявили свое действие, – наивный самообман, не чуждый в более утонченном виде даже самым высоким умам.

Такие моменты в жизни народов обозначают начало религиозного поклонения; эти начала, подобно, например, идее жертвоприношения, неразлучно сопутствуют историческому развитию религиозной мысли. «Идея жертвоприношения выражается в различных деяниях; она заставляет браминского йогина бросаться под колесницу Джагерната, она руководит финикийскую мать, которая кидает свое дитя на раскаленные руки Молоха; она заставляет грека приносить гекатомбу (100 быков) в жертву Зевсу. Эта же идея внушает желание буддисту положить цветы к ногам статуи своего пророка, монахине и деве солнца – дать клятву в вечном целомудрии, а мусульманину – во славу своего Аллаха убивать гяуров; она учит христиан уничтожать альбигойское население целых городов; создавать инквизиционные суды, которые предпринимают массовые сожжения «ведьм», и руководит благочестивым паломником, который на коленях взбирается по ступеням собора Петра и Павла. Все это различные выражения одной и той же идеи жертвоприношения».

Объектом религии в ее первобытной и грубой форме является все, что привлекает к себе взоры человека, стоящего на уровне анимизма: цветы, камни, раковины, перья, живые существа.

Из неодушевленных предметов особенное поклонение вызывали камни. Метеориты, упавшие на землю в раскаленном виде, легко возбуждали благоговение. Они становились фетишами. Памятниками такого фетишизма, бесспорно, является, например, камень в Вифлееме, освященный, согласно библейскому сказанию, Иаковом, который на нем отдыхал; черный камень в Каабе, в Мекке, и тот, который замурован в мечети Омара в Иерусалиме. Даже в XI веке от Рождества Христова английская церковь все еще вынуждена строгими эдиктами бороться с продолжавшимся культом камней.

Еще в большей степени повсюду было распространено поклонение деревьям. Деревья и целые рощи обоготворялись как божества или обиталища богов – культ, распространенный в особенности среди первобытных германцев. В Древней Греции веления богов распознавались в шелесте священного дуба в Додоне и в журчании священного источника, протекавшего у его основания. Чьи чувства могли бороться с очарованием шелеста листьев, грозного шума, поднимаемого бурей, когда стонали ветви и ломались целые сучья? Фантазия первобытного человека охотно рисовала себе такой бушующий лес в образе одушевленного предмета.

Как мы уже сказали, вода, в особенности источники, почиталась как нечто божественное. Так, устремленный куда-то поток считался у древних персов настолько священным, что они стремились чем-нибудь запятнать его чистоту.

Кто желал совершить особенно благочестивое деяние, тот строил мосты через реки и ручьи, чтобы таким образом предотвратить прохождение их вброд. Персидский царь Ксеркс, отправляясь в 480 г. до Р. Х. в Грецию, дошел до Геллеспонта и увидел, что понтонный мост разрушен ураганом. Разгневанный Ксеркс приказал высечь волны плетями – наказание, которое, очевидно, предназначалось богу моря.

Поклонение животным тоже весьма древнего происхождения, в особенности культ змей, который еще и в наши дни процветает в Индии и в могущественном негритянском государстве Дагоме. Мы знаем, что и Моисей однажды не устоял перед искушением воздвигнуть медное изображение змеи, которое считалось народной святыней и впоследствии хранилось наряду с ковчегом Завета и другими сокровищами в Иерусалимском храме, откуда лишь много веков спустя изгнал его богобоязненный Иезекииль.

Но мыслящий народ не может долго оставаться на такой низкой ступени культуры. Чем шире развивается разум человека, тем больше он сознает себя свободным существом, действующим по собственному усмотрению и по собственной воле, тем более он постепенно удаляется от поклонения явлениям природы и предметам животного и растительного царства; человек

узнает по опыту, что такие объекты его поклонения часто делаются жертвами других сил, воздействию которых они подвергаются. Следовательно, должны существовать еще другие боги, обладающие высшей властью. Поняв это, люди обратили свои взоры к солнцу и к вечным звездам, к тому, что превыше всего, что недоступно человеческой руке; им казалось, что в них они познали неведомого творца и средоточие тех сил природы, которые уже нельзя видеть, но можно лишь уразуметь по тому воздействию, которое они оказывают на природу. Поклонение силе, а следовательно, явлению, уже недоступному чувственному познанию, могло, однако, развиться лишь у тех людей, которые уже достигли известной умственной зрелости. Такими явились прежде всего земледельцы, так как развитие высшей культуры возможно лишь с наступлением земледельческого строя и связанного с ним оседлого образа жизни.

Для темных народных масс, однако, оставалась непонятной духовная сторона аллегорического культа природы. Отвлеченные представления понимались дословно, невидимое принимало образ и форму, облекалось в плоть и кровь. Развивалась мифология.

Имя прилагательное, определявшее силу явления, превращалось в собственное имя божества: имя, в свою очередь, создавало представление о существе, которое сейчас же относилось к женскому или мужскому полу, в соответствии с грамматическим родом вошедшего в употребление названия (в образовании мифов большую роль играли языки, которые различают грамматический род, как арийские и семитские), и пробужденное воображение продолжало уже работать дальше, сочиняя божественный роман.

Култ солнца уже перестал удовлетворять; вскоре стали возникать сомнения в том, что дневное светило является первопричиной всех вещей, так как развитие и рост всего существующего продолжается и ночью.

Явилось поклонение бесконечному, вечно движущемуся небу и плодоносной земле. Небо, мощное и величественное, которое повелевало ветрами и облаками, громами и молниями, люди представляли себе существом мужского рода в противоположность женственной, созидающей в тиши, восприимчивой земле. Из союза их произошел целый ряд богов, и каждому из них, в свою очередь, была приписана особая генеалогия. Таким образом возникли сначала семьи богов и затем целые поколения их; во главе этих последних был поставлен такой бог, который казался самым могущественным из всех сил природы.

Но безграничная народная фантазия не удовлетворилась этим. Она дошла наконец до полного воплощения в человеческом образе первоначально божественных существ. Антропоморфический бог получал новую человеческую генеалогию, но вместе с тем, превратившись в героя, переходил в область легендарной поэзии.

Когда воображение придало божествам вполне человеческие черты, создавшиеся мифы сделались вдохновителями искусства. Поэзия, музыка, живопись, скульптура и архитектура соединились, чтобы при помощи слова, красок, резца и молотка воплотить идею божества в человеческом образе. Там, где внешнее воплощение религиозной идеи достигло высшей степени совершенства, ее внутреннее содержание немедленно отступило на задний план. Изображение бога само делалось божественным. Люди хотели видеть своего бога, говорить с ним. Как произведение искусства, он становится уже собственностью общины. Ему строят храмы, окружают его символами и ритуалами, и фетиш готов. Негр, который грубо и безвкусно делает себе фетиш из чурбана, и Фидий, резцу которого принадлежит Зевс, одинаково хотели олицетворить своего бога.

Громадное значение в создании и развитии религии играли, конечно, жрецы. Сначала обязанности жреца возлагались на старейшего в роду, но, по мере того как жизненный строй принимал большую устойчивость, звание жреца становилось наследственным, и наконец складывалось отдельное сословие, или каста, жрецов. Когда же складывался жреческий класс, религия выигрывала в своем развитии благодаря их спекулятивной деятельности, направленной как на догму, так и на культ.

Между тем с течением времени первоначальное ядро божественного и героического эпоса, олицетворение сил природы изглаживалось из памяти потомков и вымыслы начали принимать за действительность. Только в кастах жрецов сохранили истинный смысл древних мифов, который и превратился в более высокое тео-логическое учение, доступное только посвященным. Тайнственность, которой окружали себя служители храмов, в значительной степени усиливала то почтение, с каким относился к ним народ, и обеспечивала их сословию прямое влияние на все общественные и частные дела. Давно уже известно, что только таинственные и загадочные вещи, особенно если они окружены соответствующей, такой же таинственной обстановкой, оказываются в состоянии произвести прочное впечатление на нерассуждающую толпу.

Поэтому у всех древних культурных народов – у египтян, персов, индусов, евреев, греков и римлян – мы находим тайные общества, которыми руководили жрецы. Но прежде чем заняться исследованием этих тайных обществ, бросим еще один взгляд на тайные общества у первобытных народов.

И здесь тайные союзы организуются специалистами этого дела – жрецами или шаманами. Шаманы – это волшебники и чародеи. Их деятельность выражается в том, что они излечивают болезни, занимаются предсказаниями, предвещают погоду, вымалывают урожаи, отвращают общественные и частные бедствия. У всех первобытных народов болезни, смерть, необычные явления природы и т. п. приписываются злым чарам, против которых шаманы должны бороться, пуская в ход свои таинственные заклинания. Их деятельность проявляется в общении с богами и душами умерших с целью получить через них откровение относительно будущего.

Чтобы произвести глубокое впечатление на невежественные умы подвластного им населения, шаманы во время своих священнодействий облачаются в самые фантастические костюмы и при помощи волшебного барабана, волшебной трещотки или волшебного рога доводят себя до такого нервного возбуждения, что с ними делаются судороги, кончающиеся серьезными повреждениями. По единогласному утверждению наблюдателей первобытных народов, шаманы, очевидно, поддаются самообману: они верят в действенность своего искусства. Однако несомненно, что до известной степени в их заклинаниях играют роль и сознательный обман, и грубое фиглярство. По справедливому замечанию одного известного историка культуры, такие явления неразлучны с самым духом шаманства.

«Во все времена и у всех народов представителям религиозного культа угрожала опасность, вследствие сознания чрезвычайной важности и возвышенности их задач, незаметно для себя увлекаться довольно сомнительными средствами для достижения успеха».

Шаманы, настоящую родину которых нужно искать у кочевников Северной Азии, в пустынных степях Сибири, у покрытого снегами и льдами полярного пояса, живут обыкновенно в стороне от орды; они особенно охотно выбирают себе учеников и последователей среди несчастных, страдающих припадками падучей болезни, среди карликов и горбатых и, наконец, среди альбиносов; они воспитывают их в строгом посте, непрерывном умерщвлении плоти и тогда только открывают сомнительные сокровища своих тайн, когда те успешно выдержат все предварительные испытания и истязания.

Между тем как знахари краснокожих живут в особых шалашах, доступ в которые воспрещен всем непосвященным, служители фетишей у южных африканских негров группы Банту, которые наиболее страдают от безумств шаманизма, живут в самих храмах или в священных рощах. На островах Великого океана шаманы образуют освященную религией касту. Во главе их стоит верховный жрец, который живет одиноко в лесной чаще, куда верующие стекаются со всех сторон со всякими жертвенными дарами.

Если придерживаться того взгляда, что шаманизм сводится лишь к простому колдовству с целью воздействовать на невидимые божества, то мы должны признать, что почти все

народы были жертвой подобного безумия и что даже в настоящее время они еще не вполне освободились от него. Ибо что же иное, как не шаманизм, изречения всяких оракулов, стуки, производимые духами, наконец, спиритизм, который находит, к сожалению, столь широкое распространение? Особенно злоупотребляют в шаманистическом направлении молитвой. Как часто она превращается в магическую формулу, когда ее словам приписывается власть над Божественной волей! Как легко и как широко распространяется такое заблуждение – доказывают поклонники Будды. Чтобы заслужить награду, они стараются перехитрить божество при помощи так называемой молитвенной мельницы. На вертящиеся валы наматывается бумага с написанными на ней молитвами; эти валы приводятся в движение, и верующие воображают, что божеству приходится принять эти молитвы так, как будто они были произнесены ими на самом деле.

У первобытных народов имеется даже тайный суд. Так, в немецких колониях Новой Померании и на западном берегу Африки существуют многочисленные тайные общества, имеющие целью руководить правосудием, преследовать и наказывать преступников. Члены такого союза узнают друг друга по известным знакам, которые хранятся в строгой тайне от непосвященных.

Тайные общества и ордена древности

Глава 1. Египтяне

Страна и народ

Древнейшие государства и древнейшую культуру нужно искать в той темной части земного шара, которая как будто не благоприятствует высшему развитию человека. По обе стороны экватора расположен сплошной массой африканский материк, раскаленный палящими лучами солнца, омываемый бушующими волнами беспредельного моря, которое нигде не врывается в глубь берегов. В то время как северная часть материка представляет собою безграничную, непроходимую пустынную равнину, южная часть его занята обширным плоскогорьем, окруженным крутыми горными хребтами. Даже реки, которые бурными потоками и бесчисленными величественными водопадами устремляются отсюда к морю, не дают возможности проникнуть внутрь континента. Поэтому у Африки, если можно так выразиться, перевязана жизненная артерия.

Эта неприступная страна заселена бесчисленными негритянскими племенами. Едва одолев зачатки человеческой культуры, они живут так, без всяких существенных перемен, без воспоминаний, без истории. Тысячелетия пронесли над ними, не оставив какого-либо заметного следа. Совершенно иным является народ, когда-то поселившийся на северо-востоке Африки, в Египте.

Египет, называемый «черной землей», – состоит из длинной плодородной долины, образуемой течением Нила. Воды этой могучей реки, разливы и благотворное влияние которой египтяне считали некой священной тайной, берут начало из двух больших озер, расположенных на плоскогорье, под экватором. Главная река, Белый Нил, вытекает из Виктории-Нианца и направляется к северу отчасти через горную страну, спускающуюся террасами, отчасти через тропические девственные леса, отчасти через необозримые саванны, где многочисленные негритянские племена ведут свою однообразную кочующую жизнь, где в непроходимых лесах тамариска и смоковницы живут лев и удав, слон и носорог, гиена и антилопа, а тенистые деревья – великаны среди густых выющихся растений и роскошно разрастающегося кустарника предлагают бесчисленным полчищам птиц и обезьян желанный приют, где скрываются в реках даже крокодил и гиппопотам. Приняв в себя Голубой Нил, вытекающий из абиссинских гор, Нил катит свои воды через пустынные песчаные равнины и оголенные горные кряжи Нубии, образует здесь бесчисленные водопады, пока не достигнет у пальмовых лесов Семны границы Египта; а затем, окаймленный с востока скалистой цепью гор, а с Запада защищенный от все уничтожающих летучих песков Сахары изборожденным прихотливыми расщелинами плоскогорьем, спокойно и молчаливо течет дальше, превращая свои берега в зеленый оазис – «великолепный эпизод в грандиозной поэме африканской пустыни». Самодовольно и спокойно холодные волны таинственной реки освежают жаркую страну, яркое синее небо которой почти никогда не омрачается дождевыми тучами. У Мемфиса, среди зеленых лугов, цветущих долин и таинственных пастбищ, среди вечнозеленых лесов пальм и смоковниц, он разделяет свой мощный поток на несколько рукавов, образует так называемую дельту, изумительное плодородие которой делало Египет житницей, манившей к себе весь древний мир, и, наконец, погребает свои усталые воды в Средиземном море.

Своим особым положением в мире Египет обязан Нилу. Вся страна, со всеми физическими, духовными и социальными особенностями ее быта и развития, есть создание священной реки. Это понял уже греческий историк Геродот, который назвал Египет «подарком Нила».

Когда над тропиками наступает дождливое время года, а на Абиссинских горах начинается таяние снега, тогда, ко времени летнего поворота солнца, река начинает медленно и постепенно вздуться и к концу июля на громадные пространства заливают берег. В это время вся страна напоминает необозримый океан. Бесчисленные суда оживляют ее воды, и стар и млад, пестро разряженные, ликуя, празднуют радостные дни божественного благословения. С той же постепенностью, как при разливе, воды спадают, и наконец в октябре река возвращается в свое русло, повсюду оставляя плодородный ил, который она принесла с собой с высоких горных земель и из первобытных лесов. Как только почва просохнет, ее спешат обработать, и горячие лучи солнца быстро, как будто по волшебству, вызывают из земли посевы. В марте начинается жатва, затем наступают три месяца засухи, пока наконец в июне животворная, благословенная река не начнет снова свой круговорот.

Созданные легендарной рекой физические условия Египта, единственные в своем роде на всем земном шаре, определяли весь жизненный строй народа; река была одновременно его кормильцем и творцом. Особенность почвы, на которой всякая растительность почти без усилий приносила сам-сто, в то время как кругом царили печальное бесплодие и мрачная смерть, рано заставила население перейти от скотоводства к земледелию и вместе с тем к оседлому образу жизни и выработке права собственности. Превосходные естественные границы: пустыни, моря, горы – обеспечивали возможность беспрепятственного развития. Культура, раз возникнув, могла непрерывно развиваться дальше.

Уже самые периодические смены в разливах Нила приучали население к усердной работе и поддерживали в нем охоту к труду. Здесь развивалось судоходство, искусство орошения полей и проведения каналов. Нил принуждал египтян строить прочные плотины, чтобы противодействовать вредному, а иногда даже разрушительному действию разливов, возникло землемерие, в основном применяемое к межеванию полей.

С неизменной правильностью повторяющиеся подъем и падение воды, с одной стороны, привели к установлению определенной меры времени и к разделению года на три периода, по четыре месяца в каждом: период разлива, период посева и период жатвы; с другой же стороны, почти неизбежным следствием этой вынужденной регулярности являлось «утомительное однообразие дней», особая неподвижность и торжественная монотонность, которыми всегда отличалась жизнь Египта. Ограниченное количество земли принуждало к хозяйственной обработке плодородной почвы, к скупиванию жилищ, – обстоятельство, которое, в свою очередь, привело к основанию многочисленных городов, к развитию оживленной промышленной деятельности и искусств; следствием этого было раннее разделение труда, сословий, различие в образе жизни. Образовались касты жрецов, оберегавших и лелеявших общее духовное сокровище нации: воинов, которые добровольно рисковали своей жизнью за безопасность страны, во славу властителя, за честь народа; ремесленников и купцов, земледельцев и пастухов. Но непроходимой пропасти между отдельными классами не существовало. И умный сын бедных родителей мог мечтать о том, чтобы благодаря своим познаниям добиться высокого положения и почета.

Даже религия, с ее сложными, своеобразными формами культа и искусства, в своем веровании, символах, жертвоприношениях и празднествах была связана с изменчивой жизнью природы в плодотворной долине Нила.

Это раннее развитие разнообразных форм жизни уже в древности создало смуглому населению Египта славу древнейшего народа. Население Египта, которое по языку образует одну большую группу с семитическими народностями, в доисторические времена пришло, вероятно, из Азии и в течение веков сильно смешалось с местным негритянским населением.

Египтяне гордились тем, что имели предания, уходящие в самую отдаленную глубь времен. Их жрецы насчитывали много тысячелетий существования земли. Но все же начало истории Египта покрыто таинственным мраком. Легендарные предания заменяют достоверные факты, а более или менее безвкусные измышления – критическую оценку.

По сообщению древних историков, Геродота и Диодора, жрецы хранили обширные летописи о народах Египта. На основании этих священных документов около 250 г. до нашего летоисчисления храмовый летописец Манефон из Гелиополиса – жрец, знакомый с египетской и греческой культурой, – составил историю Египта на греческом языке; это произведение, к сожалению, сохранилось лишь в отрывках, которые собрал иудейский историк Иосиф. Здесь говорится, что в течение многих поколений Египтом управляли сначала боги, затем второстепенные небесные силы и затем полубоги, пока, наконец, на трон не вступил фараон Нармер, который, по сообщению писателя, около 4000 г. до Р. Х. построил город Мемфис. С основания этой столицы начинается история Египетского царства, которая увековечена в необозримых рядах надписей и рисунков на пирамидах – этих величественных памятниках царей Египта.

Но египтяне казались Древнему миру не только самым древним народом, но также и «средоточением всякой цивилизации и всякого развития в областях умственной и художественно-промышленной деятельности». Поэтому они имели огромное влияние на соседние народы. Законы Моисея свидетельствуют о том, сколь многим обязаны им иудеи. Греки с благодарностью признавали египтян родоначальниками их цивилизаций. Духовное сродство непреодолимо влекло всякого, чей ум стремился к высшему познанию, с залитых солнцем полей Ионии и Аттики туда, в чудесную страну иероглифов и пирамид. Мусей, мифический поэт, Орфей, легендарный родоначальник элевсинских мистерий, были, по преданию, учениками египетских мудрецов. Вероятно, на основании собственных наблюдений автор «Илиады» и «Одиссеи» рассказывает о «прекрасноводном, происходящем от Зевса» Ниле, о чудесных полях и городах той страны и влагает в уста своего героя, Ахилла, похвалы величественным Фивам, которые еще и в настоящее время своими колоссальными развалинами приковывают к себе изумленный взор путешественника:

Град, где богатства без сметы в обителях граждан хранятся;
Град, в котором сто врат, а из оных из каждых по двести
Ратных мужей в колесницах на быстрых конях выезжают...

Законодатели Ликург и Солон, философы Фалес, Пифагор, Платон и Демокрит, математик Архимед учились у мудрых жрецов и книжников долины Нила. Историки Геродот и Диодор объездили эту таинственную страну и в своих сочинениях оставили интересные сведения о ней. И другие греческие и римские авторы описывали эту страну. Так, Плутарх подробно рассказывает о египетской религии.

Религия и культ

«Самым древним достоянием народов, наряду с языком, является религия». В стране, в которой, как нигде более на земном шаре, регулярность явлений природы сказывается в такой определенной, характерной форме, в стране, где вся жизнь обуславливается исключительно своеобразными свойствами природы, древние египтяне принуждены были, уже в самую раннюю эпоху, согласовать с природой свою духовную жизнь и от примитивных форм культа вскоре перейти к строго определенным формам религиозной мысли и чувства. Между тем, при полном отсутствии каких-либо достоверных преданий, совершенно невозможно определить тот поворотный пункт, на котором свершился этот духовный перелом, или выяснить, как именно он произошел. Даже самые древние источники и памятники говорят о религии, которая

носит на себе характерный отпечаток жреческого мышления. Исходя из космического представления о божестве, она является значительным по своим размерам продуктом созерцательной деятельности, древнейшей деятельности этого рода, до которой поднялось человечество.

На очаровательных полях страны Нила бытие и небытие, жизнь и смерть так близко соприкасались, что вся духовная жизнь народа, его мысли и чувства были постоянно направлены на эти явления, дальнейшие причины которых недоступны познанию. Поэтому народ видел истинную цель жизни человеческой в том, чтобы ослаблять страшную власть смерти и поддерживать животворные, созидающие силы природы. Поэтому его религиозное служение было посвящено почти исключительно солнцу – той силе, которая неустанно и заботливо дарила Египту жизнь и плодородие.

Поклонение солнцу было самым ранним зародышем и главным содержанием египетской религии – настоящим национальным культом Египта.

Самым древним наименованием бога солнца было Ра. Солнце представлялось египтянам непрерывно создающей и сохраняющей силой, видимым воплощением всех высших божеств. Этот Ра был отцом и царем богов, «властителем обоих миров»; он восседал на солнечном диске и переплывал на своем челне обширные небесные пространства. Его милостью власти Египта получали свою власть и свой сан, они называли себя «сыновьями Ра». К нему отправлялись невинные чистые души умерших, чтобы на лучезарных полях приобщиться вечной жизни.

Ра особенно почитался в Мемфисе и Оне, или Гелиополе (Город солнца). Здесь находился его древний храм, пользовавшийся мировой известностью. Сюда через каждые 500 лет прилетала с Востока чудесная птица феникс, которая сжигала себя на костре благоухающего фимиама, но тотчас же выходила из пепла обновленной и возвращалась снова на родину. Этот миф, который, как символ вечного обновления, перешел затем и в христианские предания и служил эмблемой Византийской империи, представляет собой, вероятно, символическое изображение круговращения Солнца в определенные, неизменно повторяющиеся промежутки времени.

Наряду с Ра и Осирисом наибольшим почетом в Мемфисе пользовался местный бог Пта. Как Отец света, он был Духом истины, как Бог небесного света – Властителем небес. Он был самым древним богом, сотворившим землю из Хаоса. Рядом с его святилищем, в великолепной зале, происходило поклонение быку Апису, которого считали священной эмблемой животной силы солнца. После его смерти весь народ носил траур, пока жрецы не находили нового. Апис должен был быть черного цвета с белыми пятнами на лбу, с волосами двух цветов в хвосте и с наростом под языком. Смотря по тому, как он вел себя, когда входили в его священные покои, делались предсказания будущего.

Наряду с Пта, как кажется, стояла богиня Баст, «любящая Пта властительница Мемфиса». В Бубастисе находилось ее святилище, по словам Геродота самое красивое во всем Египте. Ее светлый, радостный культ привлекал ежегодно густые толпы народа.

Но настоящим национальным божеством египтян был бог солнца Осирис со своей супругой и сестрой Исидой и сыном Гором. Осирис, бог изобилия и властитель жизни, благодетель, дарящий счастье стране, был побежден и убит своим завистливым братом Тифоном (персонаж греческой мифологии Тифон отождествлялся с египетским Сетом), всемогущим разрушителем и опустошителем, и его 72 союзниками. Труп был заколочен в ящик и затем брошен в Нил, который унес ящик в море. Опечаленная и неутешно плачущая Исида искала тело своего несчастного супруга. Наконец она нашла его останки на отдаленном финикийском берегу и вернулась с ними в Египет, где Осирису устроили торжественное погребение. В Тисе, древней столице Египта, находилась его священная могила, окруженная вечнозелеными тамарисками. Ее показывали там еще и в поздние годы, и богатые благочестивые египтяне стремились быть погребенными недалеко от нее.

Когда Гор вырос, Осирис, который со времени своей гибели был властителем в царстве смерти, явился к нему и убеждал его отомстить за отца и мать. Преданный сын немедленно отправился на бой с коварным Тифоном и убил его после жестокой борьбы. Затем Гор вступил на трон своего отца и был последним божественным властителем в Египте.

В этом замысловатом мифе, который, очевидно, был сочинен самими жрецами, символически изображена изменчивая природа долины Нила. Тифон и его союзники – это 72 дня жары и засухи, которые наступают, как только спадают нильские воды, и жгучие ветры юга вытесняют свежий северный ветер. Тут начинает плакать Исида, т. е. земля египта, которая как бы взывает к благодатной воде, оплакивает опадающие плоды и молит о новом благословении. Когда разлив снова оплодотворял землю и она снова засеивалась, египтяне хоронили Осириса. Но как только появлялись опять свежие зеленые побеги, Гор – т. е. обновленная сила солнца, с ее благотворным влиянием, вновь просыпающаяся жизнь природы, новое благословение наступающего года, – Гор побеждал убийцу своего отца, т. е. тьму, зиму, засуху. Гор – это тот же Ра в образе юноши. Его сопровождает Гатор, «богиня танцев и веселья», богиня любви, чарующей грации. Она, несомненно, представляет собою лишь местное видоизменение Исиды. Почитаемая в Саисе богиня Нейт, в честь которой ежегодно устраивался грандиозный праздник огней, есть лишь преобразенная Исида. В ней олицетворяется воспринимающая и производительная сила природы. К ней относится также знаменитая надпись в Саисе: «Я – все то, что существовало, что существует и что будет существовать».

В то время как культ Исиды и Осириса был распространен по всей долине Нила, поклонение солнцу и силам природы господствовало главным образом в нижней части страны. Верхний же Египет имел свой собственный мир богов, с другими именами и с другими формами культа. Дающий жизнь свет солнца и созидаящая сила природы лежали и здесь в основе религиозных представлений. Но древнейшие боги: Хнум, творец мира, и Монту и Тум, которые олицетворяли восходящее и заходящее солнце, были постепенно отодвинуты на задний план Амоном, местным богом Фив. Это произошло в ту эпоху, когда Фивы сделались блестящей столицей всей страны, и такое первенствующее положение города перешло, благодаря большому влиянию жрецов и царей, к их богу-покровителю. С течением времени на него были перенесены и понятия, связанные с другими богами, тогда Амон занял первое место в религии и культе Египта и, под названием Амона-Ра, стал превыше всех сверкающим богом солнца – «царем богов». С этого времени фараоны особенно охотно приносили ему богатые жертвы и оказывали глубокое почтение. К его трону они приносили в знак преданности военную добычу и привозили пленников, ему воздвигали они в Фивах вызывавшие восхищение роскошные храмы и святилища, в богато разукрашенных залах которых раздавались хвалебные песнопения и толпы верующих устраивали в честь его торжественные процессии и блестящие празднества.

Кроме этих божеств, народная религия чтила еще множество местных богов. Но все это большей частью лишь развитие тех же идей и разветвление той же глубокомысленной религиозной концепции. Такова, например, богиня Нут, «властительница тьмы», супруга Геба, бога благодатных разливов и роскошной природы, которого греки почитали под именем Пана.

Вся история египетских богов представляет собой «игру теней в полусвете». Нигде мы не видели жизнерадостных, деятельных фигур; нигде мы не находим и следа той пестрой, причудливой, богатой яркими красками фантазмагии, в которой движутся мифологические образы индийских или греческих богов.

Причины, вследствие которых такой талантливый, рано развившийся, одаренный творческими способностями народ, как египтяне, не был в состоянии воплотить своих богов в действительно пластические образы, дальше развить и сблизить с жизнью традиционную религиозную идею, лежат как в природе самого народа, так и в характере его жрецов. У египтян не было поэзии, полной свежих жизнерадостных образов, полной драматических характеров;

они знали лишь религиозные формы и образы, освященные преданием, лишь увеселительные празднества и символические действия, внутренний смысл которых оставался для них скрытым.

Неудивительно поэтому, что их богослужение, которое с развитием культуры обогащалось все новыми и новыми обрядами, становилось все сложнее и торжественнее и в конце концов выродилось в чисто внешнюю обрядность, состоявшую из мистических молитвенных формул, богатых жертвоприношений и ритуальных очищений, из добросовестного воздержания от некоторых яств, из педантичного исполнения предписанных постов и мрачных церемоний при погребении мертвых. За механическим выполнением этих мелочных и формальных религиозных обязанностей забылось внутреннее содержание религии, непосредственное, духовное общение с божеством и вместе с тем исчезла чуткость к более абстрактному пониманию унаследованных религиозных учений.

Тем ревностнее жреческое сословие посвятило себя этой благодарной задаче. Следуя своей склонности к умозрениям, жрецы преобразовали космические понятия, лежащие в основе образов всех богов, в символику природы и в космогонические системы, истинное и многочисленное содержание которых они облекли в неясные таинственные учения.

Их задача облегчалась тем, что в религиозной истории Египта очень рано появилась символика животных. Происхождение же этой в высшей степени своеобразной формы культа вряд ли возможно выяснить. Известно лишь, что египтяне очень часто изображали богов с головами посвященных им животных. Поэтому легко прийти к выводу, что в своем представлении они сливали образы своих богов с теми живыми, характерными фигурами животных, которых они им посвящали, и что, изображая своих богов в виде этих животных, они представляли их себе более наглядно, чем изображая их в виде людей.

Возможно также и то, что в своем сосредоточенном настроении обитатели долины Нила думали найти в простой, вечно однообразной, инстинктивной животной жизни тот неизменный порядок, тот таинственный, непостижимый закон природы, которому они, в сущности, и поклонялись в своих богах.

Самым священным из избранных животных был, как мы видели, Апис, посвященный богам, творящим жизнь. Наряду с ним возвеличивали ястреба, который был посвящен всем богам, связанным с культом солнца, в то время как некоторые змеи посвящались Осирису и Хнуму, кошка – богине рождения Баст, а баран – Амону.

Постепенно культ животных принял грубоматериальный характер, в особенности с тех пор, как жрецы превратили образы богов в лишенные всякого конкретного содержания понятия, и таким образом между священным тайным учением и народной религией легла глубокая пропасть, которая сделала абсолютно невозможным примирение между этими «враждебными племенами». Теперь на животное стали смотреть как на существо, посвященное самому божееству, оказывали ястребу или кошке благочестивое поклонение. И чем торжественнее и распространеннее был культ божества, тем большим религиозным значением и тем большим почетом пользовалось посвященное ему животное, – религиозное заблуждение, которое не встречается более нигде во всей истории.

Подобно священным животным, человек, по представлению египтян, был известным проявлением божественной природы, но в совершенно ином смысле. Он не воплощал в себе отдельного божества или его свойств, но, словно божество, считался бессмертным. По мрачному мировоззрению пресыщенного жизнью народа, которое он, впрочем, разделил с большинством восточных народов, настоящая, истинная жизнь начиналась лишь в страшном мраке могилы. Лишь путем телесной смерти человек «достигал полноты божественного существования».

Отсюда для египтян вытекало наивно-благочестивое учение, что тело, как воплощение личного начала, следует сохранять даже тогда, когда из него ушли жизнь и душа, что его нужно

балзамирывать, чтобы предохранить от тления, и что от всяких внешних влияний или от посягательства человеческой руки его нужно заботливо хранить в холодных, недоступных разрушению, священных гробницах. Как человеческое тело, так и тела священных животных должны быть избавлены от их естественной участи, ибо от их сохранности зависело действительное существование души. Отсюда этот неподвижный культ смерти, превративший всю долину Нила в один грандиозный склеп. Отсюда опасение за судьбу души после свершенного ею жизненного пути и непрестанная забота о ней.

В беспрерывной, напряженной борьбе незамысловатого человеческого искусства с железной необходимостью законов природы, в упорном стремлении спасти жизнь человека от неизбежной гибели обнаруживается известная смелость мысли, трогательная верность усопшим. В этом египетском воззрении можно признать даже как бы смутное предвидение, неясное предчувствие христианского таинства воскресения из мертвых; можно даже легко поддаться, конечно, ложному мнению, что «таинственная, магнетическая связь между освобожденной душой и этой мумией земного трупа не вполне исчезла, что, быть может, она снова будет восстановлена, что и это земное тело будет причастно бессмертию и когда-нибудь снова оживет и воскреснет». Но судьба самих мумий, которые, вследствие современной жажды знаний и алчной жадности теперешних обитателей долины Нила, вырваны из объятий тысячелетнего сна и отчасти совершенно уничтожены, доказывает, что земные предметы не могут существовать вечно, что все они в конце концов должны отдать дань природе. Только дух, идея истины, добра и красоты, только нравственные деяния бессмертны.

Судьба души после смерти, согласно учению жрецов, находилась в зависимости от земной жизни. Как только тело вносится в склеп, душа, вместе с заходящим на западе солнцем, вступает в Аменф, мрачное царство теней, и судьи над мертвыми, среди которых на возвышенном троне восседает Осирис, сообщают ей свой приговор.

Душа того, чья жизнь отличалась благочестием и доброй нравственностью, попадает в царство блаженных – местопребывание высших богов. Здесь она наслаждается жизнью, полной райской невинности и блаженства. Иногда же она возвращается обратно на землю и соединяется с телом человека или животного. Напротив того, душа, отягченная преступлениями, попадает в ужасный ад, охраняемый страшными демонами. Осужденная душа, которая пребывает в человеческом образе, подвергается здесь ужасающим пыткам, ее то разрывают на части, то кипятят в котле, то вешают. Как видно, в измышлении всяких ужасов человеческий ум всегда отличался плодovitостью – в египетской древности так же, как и в эпоху великого Данте, средневеково-христианская поэма которого об аде и чистилище не имеет права претендовать на оригинальность.

Мысль о вечном наказании в аду в высшей степени тягостна, она пробуждает и поддерживает трепетное чувство страха и благодаря этому открывает безграничную область для воздействия жреческого сословия на мирян. Но она все же не так ужасна, как прямо отталкивающая идея: блуждать в течение бесконечных периодов времени, переходить бесчисленное множество раз из тела в тело, каждый раз вновь стариться, умирать и снова воскресать. Догму о странствованиях души, самую страшную, какую только измыслили жрецы относительно посмертной жизни души, египтяне разделяли с другими народами. Но она не достигла у них такой определенности, не была так детально разработана, и в развитии ее нет такого безграничного педантизма, как, например, у друидов и браминов.

Тайный союз и тайное учение жрецов в стране Нила

Мы видели, какое влияние оказывали физические условия Египта на развитие общественного строя его населения, на всю его жизнь и деятельность, и, как следствие этого, уже в раннюю эпоху произошло разделение людей по занятиям и сословиям. Вошедшие в при-

вычку старинные обычаи, тщательно охраняемые предания и упрямая приверженность старине вскоре создали строго замкнутые классы.

Самый высший и самый влиятельный класс составляли жрецы. Они не только заботились о религиозных нуждах и отправляли богослужение, приносили жертвы, совершали религиозные обряды, устраивали празднества в честь богов, но, как самый развитый и образованный класс народа, занимались также науками и искусствами, изучали принципы и практическое применение врачебной науки, – египетские врачи пользовались в древности большой известностью³, – и отправляли правосудие, (по сообщению Диодора, верховный суд составляли 30 жрецов). Им обязан был Египет формулировкой своих религиозных представлений и развитием своего культа, своих нравственных воззрений, своей письменности.

Сумму познаний египетских жрецов не следует оценивать слишком низко. Раннее изобретение и систематизация священного эмблематического письма, из которого последующие поколения сделали такое широкое применение, какое едва ли предвидели его изобретатели, дало возможность, несмотря на всю его неуклюжесть, постепенно накапливать и приумножать богатое сокровище первых продуктов напряженной умственной работы, тяжелого опыта и глубоких наблюдений, увековечивать для потомства все выдающиеся события жизни, все приобретенные познания. Мы знаем из достоверных источников, что жрецы-ученые обладали большим количеством рукописной священной литературы. В 42 книгах были собраны все догматы, формы культа, все нравственное учение, правила священного письма, законы гражданского права, вообще вся исходящая от них мудрость.

Жрецы были средоточием, душой всей общественной жизни, они установили непреложные законы для временной и вечной жизни народа. Если в стране Нила и не существовало жреческого сословия в настоящем смысле этого слова, тем не менее жрецы обладали несомненной властью и могуществом. И богобоязненный народ добровольно подчинялся сословию, которое могло доставить ему высшую милость богов, вечное блаженство души, и совершенно бескорыстно признавал за ним высокое положение, ту власть и тот почет, какими пользовались жрецы. Даже фараоны были склонны почтительно обходиться с достойными служителями религии, хотя религиозные дела и сами жрецы подлежали их верховному руководству. В этом заключается признание некоторого рода независимости «церкви» от царской власти, чего в Средние века с таким изумительным успехом добились папы.

Жрецы были разделены на многочисленные классы и корпорации. Каждое святилище имело своего верховного жреца. При жертвенниках и оракулах состояли подчиненные им профессиональные прорицатели, при каждом храме имелся писец, которому поручался надзор за постройкой храмов и контроль над размежеванием земель; астролог прилежно наблюдал небо и звезды и составлял календарь, низший служитель делал разнообразные приготовления для священных жертвоприношений, следил за добросовестным выполнением предписанного ритуала, за подобающим украшением изображений богов, руководил роскошными и многочисленными религиозными празднествами, во время которых египтянин выходил из своего обычного серьезного настроения и предавался веселью, весьма нередко переходящему в необузданные сатурналии. Наконец, нужно еще упомянуть о превосходно обученном хоре священных певцов, которые гармоническим пением сопровождали действия жрецов во время богослужения.

Весьма важное значение имели должности пророка или прорицателя и астролога. При исполнении своих мистических обязанностей первые умели по мере надобности приводить в движение всю махинацию клерикальных ухищрений и обманов и, по-видимому, превосходно себя при этом чувствовали. Последние же, вследствие естественных условий страны, были вынуждены усердно наблюдать небо, ибо «по расположению звезд на нем они определяли при-

³ В четвертой песне «Одиссеи» говорится: «... Где (то есть в Египте. – *Ред.*) и каждый врач превосходит опытом всех смертных; потому что, поистине, они из рода Пэона». Во время походов войска сопровождали военные врачи.

ближение разлива, время высшего подъема воды и ее падения». Наблюдая влияние звезд на подъем и падение воды, увеличение и уменьшение жары, а следовательно, и на всю страну, они неизбежно должны были приписать движению небесных светил такое же влияние на жизнь и благосостояние людей, на их счастье и несчастье, – представление, которое, в свою очередь, должно было побуждать к точному и усердному наблюдению неба. Насколько серьезны были астрономические познания египтян, доказывает уже в раннюю эпоху установленная ими продолжительность солнечного года в 360, а затем в 365 дней. Но все же таких важных и обширных познаний, какие прославили имя халдеев, они не достигли.

Наблюдая звездное небо, жрецы интересовались главным образом астрологией. Каждый месяц, каждый день, даже каждый час, по их представлению, был под особым попечением могущественного бога-хранителя. На основании этого особого значения каждого дня и каждого часа астрологи умели предсказывать изменчивые судьбы, умели предрешать исход всякого предприятия. Искусство предсказаний, вся техника оракулов были разработаны до тонкостей. Стоит вспомнить лишь о фокусничестве египетских кудесников, то есть жрецов. В связи с этим стояли порожденные суеверием магия и волшебство, благодаря которым Египет уже в древности и вплоть до Новейших времен славился как великая страна чудес. Ведь все эти великие обманщики и мошенники XVIII века претендовали на то, что своим магическим чарам они научились в Египте.

За высшими сословиями следовали низшие. Сюда относились носители священных предметов, которые во время торжественных процессий носили художественные изображения богов и занимались практическим врачеванием. К ним примыкали многочисленные бальзамировщики, сторожа при священных животных, храмовые служители.

Для выполнения разнообразных обязанностей жрецам приходилось приобретать весьма сложные познания. И так как их могущество опиралось главным образом на чувство благоговения, внушаемое ими народу, на слепую народную веру в их святость, то именно для того, чтобы поддержать это мнение, жрецам приходилось подвергать себя некоторым лишениям, отказывать себе в некоторых жизненных наслаждениях. Им приходилось вести более святую, чистую жизнь, чем остальному народу. Они создавали для себя строгие законы относительно соблюдения чистоты, относительно еды и религиозных обрядов, соблюдали многочисленные посты и время от времени подвергали себя истязаниям; они имели право ввести в свой дом лишь одну жену, в то время как мирянину, наряду с первой женой, разрешалось иметь еще нескольких.

Вблизи обиталищ богов, вокруг главного храма каждой местности жило общество жрецов под главенством верховного жреца; совместная жизнь этого общества носила, надо думать, монастырский характер. Верховный жрец следил за точным выполнением форм культа, жертвоприношений, религиозных преданий и ритуала, развивал их и передавал преемникам. Должность жреца была наследственной. Способные и прилежные сыновья воспитывались в жреческих школах для будущей их роли носителей и учителей унаследованной премудрости, и вполне естественным является стремление жрецов увековечивать в своих семьях приобретения долгой, многотрудной жизни.

В то время как народная религия все более и более вырождалась в мрачное суеверие и внешнюю обрядность, в то время как колдовство и вера в злых духов, поклонение священным животным, пышные празднества и процессии, установленные молитвенные обряды, торжественные жертвоприношения и выполнение предписанного ритуала поглощали всю духовную жизнь набожного народа, – в это время жреческое сословие собирало в одно целое разрозненные элементы религиозных верований страны. Соединяя родственное, толкуя по-своему все неясное и неопределенное, оно создало мало-помалу религиозное учение, которое во всех своих деталях держалось в строгой тайне и передавалось лишь посвященным.

Этой таинственности содействовали, должно быть, и величественные храмы. Через обширные дворы, прохладные портики, великолепные залы богомольцы проходили в святая святых, в священный дом бога, через порог которого мог переступить лишь царь или верховный жрец. Так, путем сильных впечатлений, старались воздействовать на легко воспламенявшееся воображение, вызывать и поддерживать в наивном уме того, кто в почтительном молчании шествовал к уединенному, священному обиталищу божества, самое серьезное отношение к торжественной, благоговейной процессии. «Все это в общем носило отпечаток торжественной сосредоточенности трепетного предвкушения, жреческой тайны. Подготавливая настроение, возбуждая ожидания и почтительное изумление, с искусно рассчитанной постепенностью входили в мистический полумрак внутреннего святилища храма».

Всякое тайное учение предполагает существование какого-нибудь тайного общества. Это относилось также и к египетским жрецам. У них, бесспорно, существовал тайный союз, об организации и формах которого, к сожалению, имеются лишь скудные известия. Все наши сведения по этому вопросу мы черпаем лишь из случайных замечаний тех греческих писателей, о которых мы упоминали выше. Они были посвящены в тайну учения, но им было предписано полное молчание по этому вопросу. Из их намеков можно заключить, что посвящение совершалось постепенно, подобно тому как жречество разделялось на различные разряды и классы. Домогавшийся посвящения должен был подвергнуться сложной церемонии: многозначительными символами непрестанно вызывали его на размышление, пока наконец он не достигал последней, высшей ступени премудрости.

Относительно сущности и содержания учения египтян мы также осведомлены весьма плохо. Тайнственное содержание мистерий сводилось, вероятно, к религиозным и философским доктринам.

Жрецы, по-видимому, стремились прежде всего объединить отдельных местных богов, которые, как известно, символизировали различные силы природы, и привести их в определенную систему. К этому, как кажется, присоединилась затем вторая задача – определить космические или физические причины этих сил природы, понять общие законы жизни и, наконец, найти полное единство божественных духов, свести многочисленные образы богов к проявлениям одной божественной сущности.

Мы не ошибемся, если примем, что вся умозрительная работа египетских теологов склонялась к представлению единого бога – догмат, который в своем роде не менее грандиозен, чем мысль о вечности гигантского сооружения – пирамиды. На это, без сомнения, намекает также и Плутарх в своем религиозно-философском сочинении «О Исиде и Осирисе», когда по поводу египетской теологии и ее мистических учений он рассказывает: только одно разумное существо руководит и управляет миром. Но кто желает получить ясное представление об этих вещах, как и вообще о египетских мистериях, тот должен предварительно посвятить себя изучению философии и сделать ее своей спутницей и наставницей. Притом в эпоху высшего расцвета Фив, в пору наибольшего национального могущества и наивысшего блеска жречества «для все знающих было несомненно, что бог солнца был единственным истинным богом, который сам себя создал и которому в действительности одному только и поклонялись под видом всех бесчисленных божеств».

Ясно, что перед законченным представлением о единоличном творце рушилось все искусственное здание мифологии. Поэтому, согласно достоверным, но неполным сообщениям Геродота и Плутарха, перед посвящаемыми в тайны египетских мистерий вскрывалась обманчивая оболочка мифов и рационалистически разъяснялись космологические элементы, которые скрывались в пестром ряде народной религии. «В стенах Нильского храма, – говорит Иоганн Шерр, – человеческая мысль много тысячелетий назад с необычайною смелостью и энергией взялась разрешить великую загадку о смысле и цели человеческой жизни. И в

умственной жизни западных стран и поныне всюду слышится взмах крыльев теологического демона Древнего Египта и философского гения Древней Индии».

Глава 2. Вавилония и Ассирия

Страна и люди по Евфрату и Тигру

С высоких гор Армении воды двух мощных рек, Евфрата и Тигра, низвергаются в необозримую низменность, простирающуюся к югу; они окружают знаменитое Междуречье (Месопотамию), образуют плодородные долины, изобилующие цветами и роскошной растительностью самой разнообразной и яркой окраски, и наконец, слив свои воды, устремляются к Персидскому заливу.

Эта низменность, чрезвычайное плодородие которой древние писатели, Геродот и Ксенофонт, описывают в самых ярких красках, которая прославилась как арена кровавых битв, как родина юношески свежих народов, как владение древнейших царских родов, – называется страной Синеарой, старым садом Бога, а также Халдеей и Вавилонией. Ее природа напоминает природу Египта. Тигр и Евфрат даруют жизнь и плодородие стране.

В мае – июне обе реки, получающие постепенный приток вод из неисчерпаемого источника обширных снежных полей их бассейна, заливают жаждущую землю и покрывают ее жирным плодородным илом. При помощи бесчисленных плотин, больших и малых каналов, искусственных гидравлических сооружений и искусственного орошения, при помощи гигантских машин и насосов, изумлявших весь древний мир, предупреждались наводнения, бурным потокам сообщалось определенное русло, – и плодотворная влага переносилась и на более отдаленные поля.

Глубокий слой тяжелого ила в этом мягком климате ежегодно давал от двух до трех богатых жатв и создавал роскошную страну, украшенную стройными пальмовыми и тенистыми кипарисовыми лесами и цветущими рощами фруктовых деревьев. Здесь уже в первые века 2-го тысячелетия до Р. Х. богато одаренное население достигло многосторонней, блестящей культуры, которая смело могла сравниться с культурой Египта, и развился такой прочный государственный строй, что пронесившиеся над ним бури жестокой, кровавой эпохи едва ли оставили в этой местности какие-либо существенные следы. В настоящее время, правда, под влиянием продолжительного невежественного владычества турок ничего уже не осталось от прежней роскоши чудесного края. Ведь говорит же арабская пословица: «Где однажды ступит нога турка, там земля становится бесплодной на сто лет». Безграничная безлюдная пустыня, необработанная, безжизненная, где бродят лишь дикие разбойничьи орды да проносятся неисчислимы полчища саранчи и палящие знойные ветры, встречает ныне путешественника там, где некогда «текли молочные и медовые реки». Необозримые заброшенные поля одни лишь свидетельствуют о бывшем величии, о минувшем великолепии. «Среди вечного, торжественного молчания этого мира развалин, – говорит Карл Риттер, – взгляду путника открывается уходящая вдаль, широкая зеркальная поверхность Евфрата; исполненный спокойного величия Евфрат тихо струится через эту безжизненную пустыню и, словно царственный странник, проходит по молчаливым развалинам своего разрушенного царства. Дворцы и храмы, прекрасные строения – все обратилось в прах и мусор; вместо висячих цветников и роскошных райских садов берега реки покрыты густым лесом серого болотного тростника, и там, где некогда израильские пленники среди полного жизни города победителей пели под аккомпанемент арфы жалобные песни о потерянном Иерусалиме, теперь остались лишь кое-где одинокие плакучие ивы, но в их уединении не раздастся ни скорбной песни, ни радостного восклицания».

Менее плодородная, но обладающая более здоровым климатом, чем Вавилония, простирается от восточного берега Тигра до отрогов горного хребта, окаймляющего с запада Иранское плоскогорье, горная страна Ассирия.

Эта местность была первоначальной родиной Авраама. Отсюда он спустился в густо заросшие травой луга Месопотамии, по которой кочует невзыскательное пастушеское племя. Здесь находилась также – на восточном берегу Тигра – Ниневия, огромный торговый город Ассирийского царства, в котором объединялись все элементы тогдашней народной жизни, – второй город чудес в прославленном легендами Междуречье, о котором пророк Иона говорил, что оно простирается на три дня пути и населено более чем двенадцатью мириадами жителей; несчетные богатства этой страны восхвалял пророк Наум, а Зефания с укором восклицал: «Это город веселья, живущий беззаботной жизнью и говорящий в своем сердце: «Я, и только я один!»» Этим описаниям в известной мере можно поверить, если принять во внимание характер городов Востока. Они имели цветущие сады и обширные пастбища для рогатого скота и лошадиных табунов, даже в случае осады у них оставалось все еще довольно земли, плодородной земли, чтобы собрать достаточное количество хлеба для прокормления жителей.

Ниневия была резиденцией великих легендарных властителей, Нина и Семирамиды. Первый был, по-видимому, лишь олицетворением столицы, последняя же, с ее ужасным характером Мессалины и натурой вампира, ни в коем случае не могла быть чисто символической фигурой. Яркий, полный жизни образ ее жил в продолжение целых тысячелетий в памяти народов Востока. При этом поэтическая сага постепенно «превращала ее в идеальный образ, в котором слились воедино все наиболее ценимые восточными народами черты: женская красота и мужская энергия, неотразимая прелесть и мужественная воинственность».

Древнейшие воспоминания человеческого рода и поэтические саги сообщают, что бассейн Тигра и Евфрата после Великого потопа был первым обиталищем способных к цивилизации народов семитского племени. Но достоверные сведения об этом находятся – кроме еврейского предания о построении Вавилонской башни – лишь в составленных по записям жрецов исторических книгах Бероза, жреца бога Ваала при Вавилонском храме, современника египетского историографа Манефона. Хотя от этого сочинения до нас дошли лишь немногие отрывки, мы все же получаем приблизительное представление о постепенном возникновении общественного строя и культуры среди народа и о развитии космогонической системы, созданной вавилонскими жрецами. Древнее сказание о потопе ведет свое происхождение из Месопотамии. О Великом потопе рассказывается и у Бероза, и в таблицах, найденных под развалинами Ниневии, наиболее яркие черты сохранило библейское сказание. Все значение предания о потопе заключается в том, что оно указывает на общую родину семитских племен в стране Тигра и Евфрата. Подобные же предания о потопе имеются во всех странах, которые подвергаются постоянным наводнениям: в Индии, Фессалии, Беотии.

С тех пор как удалось разобрать ассирийско-вавилонские клинообразные письма – образное письмо с 400 иероглифическими знаками, – наука узнала, что самым древним культурным народом Вавилонской низменности были шумеры.

Их поселения, относящиеся к доисторическим временам, нужно искать на нижнем Евфрате. Здесь выросли гордые твердыни жрецов – Риту, Ур, Арку и др. И из непроницаемого мрака бесчисленных веков до нас дошли довольно точные известия об исторической личности одного царя-жреца Ликбагаса из Ура, который воздвигал великолепные храмы в честь небесного светила, бога Син.

Его последователи, как кажется, в течение долгого времени спокойно жили под покровом иерархического строя, пока наконец около 2280 г. до Р. Х. внезапный набег эламитов не нарушил спокойного притока их жизни. Враги явились с юго-востока, завоевали Месопотамию, подчинили себе Сирию и Палестину и заимствовали у древней вавилонской культуры первые зачатки цивилизации, которые потом самостоятельно развили. Город Синеара, расположенный на Евфрате, сделался главным центром халдейской культуры. Отсюда вышла династия семитских царей, родоначальником которой считался прославленный преданием героический царь Саргон. Усердный последователь и почитатель шумерской мудрости, он велел перевести рели-

гиозные песни и гимны туземного населения, его магические и астрологические таблицы на семитское наречие и сохранить их в большой библиотеке в Арку.

Последний поворотный пункт в древней истории Вавилонии наступил под влиянием набега воинственных горных племен Элама. После целого ряда жестоких битв они подчинили себе Северную и Южную Халдею. Их прославленный преданием князь Хаммурапи устроил свою дивную сказочную резиденцию в священном центре страны, Вавилоне. С этого времени Синеара отошла на задний план и Вавилон стал блестящим центром Междуречья.

Победители вскоре переняли язык и культуру побежденных. Позднейшие века заполнены жестокой борьбой с мощно стремившимся вперед, высокоодаренным соседним народом – ассирийцами, «первой победоносной силой, которую мы встречаем во всемирной истории». Война окончилась полным поражением состарившегося Вавилона.

Под владычеством халдейских царей страна рек достигла высокого расцвета внутренней культуры и внешнего благосостояния. Сам же город Вавилон вызывал всеобщее изумление древних народов своим миллионным населением, своими гигантскими стенами, своим великолепным замком царей, снабженным всеми утонченными приспособлениями расслабляющей роскоши и изнурительного сладострастия, своим грандиозным пирамидальным храмом бога Ваала, состоявшим из восьми постепенно сужавшихся этажей, которые достигали высоты 600 футов. Храм Ваала причислялся к семи чудесам мира и являлся той самой Вавилонской башней, которая, по еврейскому преданию, должна была подняться до самого неба и прославить народ Синеары, но возбудила ревность Иеговы и таким образом оказалась причиной разделения и смешения языков. Как в Священном предании о потопе, так и в еврейских преданиях как будто прорывается смутное воспоминание о прежнем родстве и о последующем отделении еврейского народа от халдейских соплеменников.

Роскошное плодородие страны, благоприятное географическое положение у двух больших рек, являвшихся самым удобным путем между Восточной и Западной Азией, побуждали жителей к предприимчивости и оживленной деятельности и создавали культурному народу благоприятные условия для успешного развития промышленности, искусные произведения которой находили себе громадный сбыт на всем земном шаре. Особенно высоко ценились отлично выделявавшиеся вавилонянами тонкие ткани, великолепные одежды и дорогие ковры с вытканными на них изображениями всевозможных чудесных животных. «Красные плащи из Синеары» были известны в Ханаане еще в эпоху Иисуса Навина. Не менее славилось также искусство вавилонских ювелиров в шлифовке и отделке драгоценных камней, а также химические познания туземных промышленников, приготавливавших ароматные масла и душистые воды. Чрезвычайно оживленные торговые сношения, производившиеся сухим и водным путем с самой Индией и Цейлоном, с Малой Азией и Сирией, с Аравией и Египтом, доставляли необходимые сырые материалы и обеспечивали выгодный сбыт продуктов туземной промышленности и искусства.

Коммерческая деятельность особенно сильно развилась благодаря введению монеты и определенной системы мер веса – изобретения, которые, как и вообще весь поток вавилонской культуры, перешли с небольшими изменениями, отчасти морским путем при содействии финикийян, отчасти сухопутным – к грекам и римлянам и оттуда, позже, в романо-германскую культуру. Вавилон, бесспорно, вложил наибольшее число камней в то грандиозное здание, которое мы называем цивилизацией.

Торговля, земледелие и промышленность засыпали вавилонян баснословными богатствами. А это, в свою очередь, способствовало не только развитию роскоши и безграничной жажды наслаждений, но также и распространению всеобщей образованности и художественного вкуса, который проявился в особенности в постройке общественных зданий и в обстановке частных домов.

Религия вавилонян и ассирийцев

Религия вавилонян в ее основных чертах сходна с религиями всех первобытных народов. Основной принцип первобытной религии составляет абсолютная зависимость человека от природы, громадной власти которой он еще не может противопоставить достаточной нравственной силы, достаточной умственной свободы. Природе он подчиняется вследствие этого как непреодолимой необходимости. И вавилонская религия также заключалась в безусловном, безграничном преклонении перед таинственным, вечным законом естественной необходимости. Это религиозное преклонение привело к страшному уничтожению и понижению духовного уровня человека, к ужасающему обесцениванию всей жизни, но все же не к тому сладострастию и зверской жестокости, отвратительный пример которых дают другие семитские формы цивилизации, как, например, цивилизация финикиян.

Природа заключала в себе, по представлению вавилонян, два основных начала – мужское и женское. Первое проявлялось в солнце, огне, звездах, второе же, напротив, олицетворялось во влажном, плодоносном элементе – воде и земле. В спокойной прелести и красоте растительной жизни природы видели проявление силы и творчества богинь.

Верховным божеством неба признавался Ану, «первороденный среди богов, отец богов, властелин тьмы». Его царством было безграничное, неподвижное звездное небо. Бел (Ваал) почитался как творец небесного мира, а Ео олицетворял творческую силу божества. Их женами были Нана, Белита и Дав-Кина, «матери богов, жены великих богов, царицы земли плодородия».

Белита, или Милита, как называет ее Геродот, была богиня Вавилона. Как богиня луны, она освещала ночное небо своим кротким светом. Ей были посвящены рыбы, как чрезвычайно плодовые животные, и нежные голуби – символы плодovitости и любовной страсти. На ее алтарь приносились лишь бескровные жертвы. В дни ее празднеств жены и дочери вавилонян длинными рядами располагались в роще у храма, чтобы в честь богини отдаться раз в жизни чужому человеку, иноземцу. Этот обычай, по нашим воззрениям в высшей степени предосудительный и безнравственный, основывался, как было указано выше, на том именно господствовавшем во всех семитических религиях представлении, что в жертву божеству следует не задумываясь приносить все самое дорогое и самое ценное. «Мы видим здесь, следовательно, что сила фанатической религии сломала железные оковы, в которые суровые азиатские нравы неумолимо замыкали женщин. Вместе с тем мы видим в этом весьма необычное, в особенности для той страны, проявление благосклонности к чужестранцам».

Из представления о боге солнца Беле развилась весьма сложная система поклонения звездам. Определенные небесные явления приписывались отдельным божествам, и, что особенно удивительно, луне отдавалось преимущество перед солнцем.

Сын Бела, Син, почитался как бог луны, охраняющий и согревающий землю. Его сыном признавался бог солнца Сама, а Бин, или Раман, почитался как бог атмосферы и ее явлений: дождя, грома, молнии.

Наряду с небесной троицей стояли пять богов планет: Адад, то есть всевышний (Сатурн), Мардук (Юпитер), Нергал (Марс), Иштар (Венера) и Небо (Меркурий). Иштар имела таинственного мужа, Думузи. Его преждевременная смерть заставила богиню отправиться в подземный мир, в страну, откуда нет возврата.

Боги планет, вместе с обеими триадами и Белитой, составляли систему двенадцати богов – «высший ранг в иерархии халдейских богов». Наряду с этими высшими богами, из которых каждый, кроме своей жены, имел еще и многих возлюбленных, стояло еще безличное множество второстепенных местных богов.

Вавилонский пантеон повторяется в Ассирии. И здесь поклонение звездному небу является основной формой культа. Но главным богом считался Асур, национальный бог – покровитель народа. Его защите подлежал главным образом царь, отправляющийся на войну. Легендарные победы Асура в битвах со львами и другими дикими зверями символизировали всепобеждающую силу нации. Гигантские статуи крылатых львов и быков, с головами бордатых мужчин сурового вида, которые в качестве гениев-хранителей красовались при входах во дворцы ассирийских царей и художественно выполненное изображение которых свидетельствует о высоком развитии техники, – являются первыми скульптурными изображениями ассирийского национального божества.

Изыскания, искусно сформулированные религиозные построения Вавилонии и Ассирии, являются далеко не первоначальными формами религиозного мышления. Напротив, они были конечным выводом продолжительной работы жреческих школ в течение нескольких столетий, результатом всесторонней реформаторской деятельности жречества. И здесь, как и в Египте, халдейские жрецы сумели постепенно подставить свои абстрактные построения на место первоначальной народной религии и на таком перевороте основали свое широкое религиозное влияние.

Вавилонско-ассирийский жреческий орден и его тайное учение

Почти все наши сведения о вавилонском пантеоне почерпнуты из богатых материалов громадной библиотеки царя Ашшурбанипала, который приказал сделать множество списков с древних документов саргонской библиотеки. Остатки этой коллекции, приблизительно в 200 глиняных таблицах клинообразных надписей, сопоставлены так, что образовали одну большую священную книгу. Главное содержание ее составляют магия и астрология. Таблицы свидетельствуют о том, что самой древней шумерской религией страны было наивное почитание духов и основанные на обмане заклинания их.

Давнее учение о духах не имело ничего общего с позднейшей государственной религией, которую мы только что рассматривали. Долгое время обе системы существовали совместно, пока наконец около XX в. до Р. Х. не началось великое реформационное движение. Результатом его было то, что все шумерские жрецы вошли в многочисленную компанию вавилонского клира.

Эта корпорация образовала замкнутый, связанный строгими правилами союз, в котором жрецы-маги заняли самое последнее место. Жреческое достоинство, как и в Египте, было наследственным. Члены союза занимали особую часть города и в специальных школах заботливо подготавливались к своему призванию. В эту же эпоху были образованы дошедшие от прежних времен заклинания духов и включены в священные книги. Они составили теперь особый священный кодекс, из которого преданные магии жреческие классы еще в продолжение целых столетий черпали свою мрачную и таинственную премудрость.

Религиозные представления, которые лежали в основе магии, логически вытекали из натуралистического мировоззрения и из обожествления сил природы. Так как невежественный обитатель земли все еще рассматривал природу как царство, населенное бесчисленными полчищами своенравных, постоянно враждующих между собой злых и добрых духов, так как под влиянием такой антропоморфизации он все еще считал своих богов подчиненными в качестве созданий природы законам ее, то в его ребяческом понимании религии легко могло укрепиться убеждение, что при помощи священных формул и слов, при помощи особого образа жизни и т. п. он сможет овладеть таинственными силами, которые сильнее самих богов, и что сумеет заставить их служить себе. Но чем ниже был общий умственный уровень, тем легче отдельным ловким личностям удавалось убеждать людей в своей сверхчеловеческой власти над богами и

духами и в том, что избранные имеют силу предавать людей злым духам или, напротив, предохранять от враждебных нападений, которые всегда грозят человеку.

Тайны вавилонской магии заключались, судя по дошедшим до нас отрывкам, в трех книгах. Первая содержала в себе заговоры и заклинания, назначение которых заключалось в том, чтобы изгонять злых духов, отражать их враждебные выходки и предохранять беззащитных людей от нападений. Во втором томе были собраны заговоры против болезней.

Древнее шумерское верование в происхождение болезней от наваждений злых духов объясняет также и тот факт, который привлек внимание даже Геродота, а именно: Вавилония и Ассирия никогда не имели действительно сведущих ученых врачей. Врачебная наука находилась исключительно в руках кудесников и являлась одним из разветвлений их мрачного искусства. Само же лечение сводилось к страшным заклинаниям или же к применению волшебных напитков, к которым, вероятно, кое-где подмешивались и целебные, одним жрецам известные снадобья. Наконец, третья книга заключала в себе целый цикл гимнов и покаянных псалмов, обращенных к отдельным богам; содержание их, отчасти совершенно непонятное для нас, должно было производить сверхъестественное, таинственное воздействие.

Формулы заклинания открывают нам целый мир злых духов, «иерархия которых установлена с большою ученостью и личности которых строго различаются». Прежде всего здесь перечислены те духи, на которых должны были воздействовать заклинания; говорится об их силе и их мужестве. Далее следует молитва с правильно повторяющейся, таинственной заключительной формулой:

Дух неба, заклани их!
Дух земли, заклани их!

Точным и всесторонним знанием всех заклинаний обладали, само собой разумеется, одни лишь жрецы-маги. Это была особая таинственная наука, в которую посвящались воспитанники жрецов, изучавшие волшебство.

В волшебных формулах нередко упоминается также о так называемом талисмане. В одной из них говорится: «Талисман, талисман, предел, которого не снять, предел, которого не переступить богам, пограничный камень между небом и землей, которого не сдвинуть, глубины которого не измерил ни один бог, которого ни бог, ни человек не может постичь, запор, которого не отомкнуть, запор, который сохраняет от злых сил, которого избегаете вы все, злые духи...» Далее они названы по именам. «...Вы, злокозненные гении! Добрый бог, близкий духу земли! Призвание бога, сильного, сильного, сильного. Да будет так!» Одним из наиважнейших талисманов, которым пользовались хитрые жрецы, был волшебный жезл, первоисточник их могущества.

Как надежную защиту против злых духов и предохранительное средство от всех болезней на шее носили также амулеты, которые изготовляли из различных материалов.

Магия, проникшая из Вавилона, кроме Ассирии, также в Мидию и Персию и повсюду встретившая радушный прием, имела особый язык. Это был древний шумерский. И вера в его всемогущее влияние на мир духов была так глубока, что чем менее он употреблялся как живое народное наречие, тем ярче становилось представление о его сверхъестественной силе. На шумерском языке всегда писались имена богов, из него были взяты также все известные жреческие титулы. Своим непонятным, одурманивающим набором слов жрецы производили на простодушный народ подкупающее впечатление и усыпляли внимание любопытного, который слишком настойчиво пытался проникнуть в их сокровенные тайны.

В то время, когда древняя магия шумеров присоединилась к жреческим наукам Вавилона, господствовавшую семитскую религию одушевляли уже совершенно иные, несравненно более глубокие идеи.

С верхнего этажа своего пирамидального храма целая коллегия жрецов наблюдала звездное небо, светящиеся пути планет, высокое или низкое положение некоторых неподвижных звезд. Вавилонские астрономы умели провести полуденную линию, определить положение солнца или время дня, высчитывали с приблизительной точностью солнечные и лунные затмения.

Но под могучим влиянием поклонения звездам эти многообещающие задатки скоро выродились в сомнительное искусство астрологии. В неизменно правильном движении небесных светил жрецы увидели действие вечного закона, у них зародилась мысль о неизбежной, естественной необходимости. И так как опыт, казалось, убеждал в том, что расположение звезд имеет таинственное влияние на явления природы и судьбы людей, на их собственное земное существование, – ведь более или менее высокое положение солнца, луны или некоторых звезд имело своим следствием смену времен года, умирание и пробуждение к жизни растительности, ведь от восхода и заката светил зависели свежесть и вялость, сон и бодрствование всех живых существ, – жрецы пришли к убеждению, что можно в самом деле постичь законы отношений небесных тел ко всему происходящему на земле и таким образом найти ключ к пониманию будущего.

Светила в их различных положениях и фазах казались не только истинными руководителями всего безграничного мира, причиной, определяющей все земные события, все перемены в человеческой жизни, но также и провозвестниками будущего, достоверными предзнаменованиями. Поэтому, например, о луне говорилось: «Если луна видима в первый день месяца, то страна будет блаженствовать и сердце ее будет ликовать», «Если луна окружена двором, то царь одержит победу», «Если луна кажется особенно большой, то будет затмение», «Если, напротив того, она кажется очень маленькой, то жатва будет обильна». Каждая планета была посвящена какому-нибудь богу: каждому из них принадлежал также один день недели. Суббота, с которой у семитов начинается неделя, была посвящена Адару; второй день – богу солнца, третий – богу луны. Вторник принадлежал Нергалю (Марсу), красноватый огненный блеск которого угрожал несчастьем. Среда принадлежала Небу, четверг – Мерадаху, а последний день недели был посвящен Иштар. Этой системе обязана своим происхождением семидневная неделя – одно из тех вавилонских изобретений, которые сделались неотъемлемым достоянием всех цивилизованных народов.

Путем точной записи всех, даже самых незначительных фактов, которые, казалось, обуславливали связь человеческих судеб с явлениями природы, считавшимися верными предзнаменованиями будущего, вавилонские и ассирийские астрологи, по-видимому, овладели самыми основными и безошибочными приемами для распознавания сокровенных тайн судьбы и вместе с тем создали строго разработанную науку – умение искусно предсказывать будущее. В связи с мрачными приемами чародейства этот дар прорицания дал жрецам такую огромную, ужасающую силу, всестороннее действие которой они стремились использовать самым невероятным образом. И на самом деле они господствовали над всей жизнью и деятельностью народа, они оказывали воздействие на все общественные начинания и с ужасным жестокосердием заковывали человеческий дух в стальные оковы рабского страха, суеверного ужаса, мучительной агонии.

Широкое, систематическое изучение всех небесных и теллурических явлений и предзнаменований привело жрецов и к толкованиям птичьего полета, к предсказаниям будущего по внутренностям жертвенных животных, к разъяснению всех явлений природы и снов. Полет и крик определенных пород птиц, как это было впоследствии также у греков и римлян, служили пророческим предзнаменованием. В окраске и внешнем виде внутренностей жертвенных животных видели пророческие приметы – искусство, которое из Вавилона перешло в Малую Азию, Грецию и Италию, в Финляндию и Карфаген.

Падение дождя, общие очертания и окраска дневных и ночных облаков, землетрясение, блеск молнии, раскаты грома, шелест деревьев и кустарников и, наконец, всякий случайный шум, всякие случайные движения видимых предметов, даже линии руки, относительно которых сказано в Книге Иова, что в них записана вся судьба человека, – все это давало богатый материал для мистических пророчеств. Как известно, Давид делал предсказания по шуму тутового дерева, Девора пророчествовала по движению священной пальмы, а в Древней Греции высоким почетом пользовались говорящие дубы в Додоне и пророческие лавровые деревья в Дельфах и на острове Делосе, и даже в Италии высококультурный народ – этруски – говорил о «благоприятствующих» и «неблагоприятствующих» деревьях. Сны прямо считались пророческим предзнаменованием. Ассирийцы были так убеждены в их пророческом значении, что записывали их содержание с величайшей тщательностью, как важнейшие исторические события.

Обширные познания и искусные приемы, которые жрецы применяли к магии и астрологии, составляли ревниво охраняемую тайну их касты, тем более что для полного усвоения их требовалось много времени и труда.

Но кроме этих каббалистических познаний мы находим здесь и следы философских размышлений. Не говоря уже о развитии догмата единосущности всех богов и богинь, который с давнего времени принадлежал к важнейшим тайным учениям школ Вавилона, – некоторые беспокойные умы углублялись в исследование эпического повествования о «путешествии в ад богини Иштар», и главным образом содержавшегося в нем сообщения об «источнике живой воды». Умозрительная философия приводила их постепенно «к бесконечности, к загробному миру». Живущее в сердцах громадного большинства людей, ничем не заглушаемое желание существовать после смерти привело к учению о загробной жизни, а отсюда, неизбежно, к признанию и вере в существование этого загробного мира. Там исчезнут, надеялись они, непримиримые в этом мире противоречия и все диссонансы земной жизни разрешатся в вечную гармонию.

Глава 3. Иранцы

Многочисленные племена большой семьи арийских народов, подчиняясь смутному влечению к передвижению, еще в доисторические времена покинули заселенные ими лесистые страны между Балтийским и Черным морями, чтобы найти себе новую родину. В то время как греки, италийцы, кельты, германцы и другие отправились на запад, другие племена через Кавказские Ворота, отчасти также через Уральский проход и через Босфор перешли в Азию («Азия-Ария»), часть из них осела на покрытых пастбищами горных склонах к северу и западу от Гиндукуша и в хорошо орошенных долинах Ирана, другая часть проникла через юго-западные проходы персидско-индийских пограничных гор и завоевала благословенные плодородные равнины Инда. Здесь, в море темных индийских народностей, в течение столетий исчезли последние волны арийского потока.

Впоследствии нам предстоит еще заняться обитателями Индостана, или индусами. Поэтому остановимся сначала на их братьях иранцах, которые по их священному языку называются также народом Зенда.

Иран и его обитатели

Иран, окруженный скалистыми горами, образующими как бы природный вал, представляет собой плоскогорье, которое в виде продолговатого четырехугольника расположено между бассейнами Тигра и Евфрата и, направляясь с востока на запад, доходит до Гиндукуша. Начинаясь у Кавказа и Каспийского моря, оно простирается до берегов Индийского океана. Внутри страны пустыня создала безжизненные, необитаемые пространства. Глаз беспрепятственно скользит по равнине, совершенно лишенной природных красот. В бедной растительностью, безлесной пустыне только кое-где встречаются обильные водой источники и колодцы, плодородные оазисы, которые «составляют владение господствующего деспота». И над всем этим простирается почти всегда безоблачное, залитое солнцем небо.

Однообразная пустыня постепенно переходит в роскошные пастбища, дающие обильную пищу табунам лошадей, стадам коз и овец.

То более крутые, то более пологие склоны гор создают местности с различным климатом и природой.

Северная гористая страна на берегу Каспийского моря соединяет в себе роскошную прелесть южной природы с бедностью сурового, негостеприимного пейзажа.

Склоны гор покрыты густым лесом старых тенистых дубов, вязов и буков. За ними простираются лесистые луга, где чудесно окрашенные гиацинты и примулы, благоухающие лилии и фиалки кивают своими нежными головками.

Древний географ Страбон рассказывает об этой местности, что горы были покрыты здесь обширными лесами елей и дубов, что виноградная лоза давала ежегодно по ведру вина, а фиговое дерево – по 60 четвериков плодов. В лесах роились пчелы в таком количестве, что мед капал с листьев, а земля была так плодородна, что хлеба без обработки вырастали из опадавших семян. По удостоверению новейших путешественников, это описание и теперь еще вполне отвечает действительности.

Восточная горная страна поднимается до высоты 12 тысяч футов. Плодородные долины Кабула, с их роскошной растительностью, с их чистым, ароматным воздухом, представляют собой единственный удобный «сухопутный проход в окруженную со всех сторон неприступными горами Индию». Этот проход пользуется большой известностью. Извилистые реки, шумящие водопады, великолепные сады и дворцы, свежая зелень лугов и разнообразные очертания окружающих гор, над которыми возвышаются блестящие вечными снегами и льдами

вершины Гиндукуша, – все это нежит и ласкает взор. В южной же части возвышенности мы, напротив, видим лишь бесплодные, сожженные солнцем равнины с песчаной, глинистой или каменистой почвой.

На западе ряд тянувшихся с северо-запада и юго-востока горных цепей образует несколько хорошо орошенных, плодородных горных долин.

Эти долины, изобилующие живописными видами, обладают прекрасным умеренным климатом. Перед утомленным угрюмыми пейзажами взором путешественника внезапно открывается очаровательная, как прекрасное сновидение, роскошная панорама.

Живописные склоны окружающих гор покрыты отягощенной плодами виноградной лозой, которая обвивает деревья до самых верхушек, смело перебрасываясь с ветки на ветку. Розовые кусты и плодовые деревья распускаются там во всей красе, достигая высоты лесных деревьев, их плоды отличаются необыкновенной сочностью и нежными восточными ароматами. Здесь находится «сад роз Ирана», очаровательная страна вина и соловьев, прекрасный Шираз, где под чудным синим небом «действительно царствует вечная весна, майские дни, благоухающие тысячами цветов», где вечно все цветет и зеленеет, где залитые солнцем холмы и покрытые цветами луга сменяются тенистыми рощами миртов, кипарисов и апельсинов. Здесь природа как бы с безмятежной улыбкой раскрывает богатейшую сокровищницу своего растительного царства, собирает воедино всю красоту и плодородие, которые она отняла у степи и пустыни.

Южная горная страна у Персидского залива состоит по преимуществу из крупных, прожженных солнцем возвышенностей, перерезанных дикими ущельями. Лишь кое-где у подножия круто поднимающихся вверх скал скудная растительность оживляет бесплодную почву, усеянную обломками горных утесов.

Вследствие резкой противоположности и богатого разнообразия в устройстве поверхности большая часть Иранского плоскогорья подвержена сильным и внезапным переменам температуры. Зима и лето непосредственно сменяют друг друга. Как только прекратятся снежные бури зимы, которые приносятся с арктических ледяных полей Сибири и обширных снежных пустынь Турана, наступает жаркое лето с атмосферой, пропитанной тонкою пылью пустынь, и с апреля по ноябрь небо почти не омрачается облаками. Весны и осени нет совсем. Если они и бывают иногда, то имеют весьма мало значения.

Лишь центральная горная система обладает действительно здоровым климатом. Палящий зной солнца сильно смягчается высоким положением страны. «Воздух особенно сух и чист, на ясном небе с необыкновенной отчетливостью обрисовываются очертания гор и весь пейзаж, а необычайно яркий блеск ночных звезд почти равен дневному свету».

Вся огромная горная страна, как мы видели, уже в далекой древности была занята родственными иранскими племенами, которые, подобно индусам, присваивали себе почетное наименование Ария (арийцы), что означало – благородные, вернее, благочестивые; но еще в раннюю эпоху они распались на мелкие государства и поселения и забыли свое общее происхождение, первоначальную родину и племенное родство. Еще и в настоящее время главная масса населения Иранского плоскогорья, в общем уменьшившаяся под влиянием ужасных, неслыханных ударов судьбы, поражавших ее в течение многих веков, состоит из потомков тех древних, способных к развитию арийцев, которые однажды завоевали и колонизовали эту страну. Еще и поныне афганцы и персы обладают отчасти выдающимися способностями их предков: острым, пронзительным умом и высокоразвитым чутьем к поэзии.

Насколько нам известно, западная часть Ирана была заселена юношески сильным, закаленным в тяжелом труде народом – мидянами и персами, которые вели простой, скромный образ жизни, это были земледельцы, пастухи, охотники, воины.

Восток был заселен множеством территориально разобщенных племен. Среди них бактрийцы наиболее сохранили характерные черты арийцев и с любовью лелеяли национальные

предания. Этому, по всей вероятности, значительно содействовала тесная связь и общение с индусским миром.

Мидяне и персы, напротив, в течение долгого времени подвергались нивелирующему влиянию западных культурных народов, ассирийцев и вавилонян, которое становилось интенсивнее и решительнее, по мере того как вследствие удаления и разобщения с восточными родственными племенами исчезали национальные обычаи и национальное мировоззрение. Но все же внутреннее родство и национальное единство между Западным и Восточным Ираном осталось неприкосновенным, не подверженным влиянию семитских элементов. В особенности наиболее твердую основу составляли религиозные представления, которые мидяне и персы принесли с собой с Востока и которые впоследствии в Авесте Заратуштры нашли свое частное выражение.

Предания Авесты, совпадающие с отдельными смутными воспоминаниями обитателей Западного Ирана, говорят о великом Бактрийском царстве, первоначальная история которого скрывается во мраке сказочной древности. Легендарные отголоски деяний его царей отразились в «Шахнаме» (книга царей) Фирдоуси, т. е. райского (1200 г.).

Это огромное произведение, которое, несомненно, представляет собою чисто национальное творчество, изображающее далекое прошлое Ирана, является не только величайшим продуктом восточной художественной поэзии, но также и поистине несравненным героическим повествованием, «определявшим в течение многих веков все мировоззрение Востока», «своего рода мировой историей». В своих основных чертах оно служило богатым источником для незаслуженно преданной забвению истории Восточного Ирана.

В 1100 г. до Р. Х. над всем Восточным Ираном, по-видимому, господствовала могущественная, воинственная династия. Как и все позднейшие цари, древние властители принуждены были вести непрерывную кровавую борьбу с алчными сынами негостеприимных, туманных степей, с кочевыми ордами Турана скифами, саками, гуннами и тюрками. Прекрасно возделанные земли Ирана всегда были легкодостижимой целью для их разрушительных разбойничьих набегов. Славную жизнь героических сынов Ирана, павших в этих войнах по воле неумолимой судьбы, персидский эпос с поразительной силой воспекает в погребальных песнях, и «над могилой этих своих любимцев с глубоким трагизмом он воздвигает траурное знамя».

Начиная с IX в. до н. э. ассирийцы неоднократно предпринимают завоевательные набеги на иранские земли. Следствие этого – к середине IX в. западная часть их – Мидия и Персия – должны были подчиниться Ассирийскому царству.

Но мидийцы вскоре восстали и отвоевали свою свободу и независимость. Туземный, могущественный и знатный род стал во главе их, основал военную деспотию, придал царской власти внешний блеск и внутреннюю прочность, а государству – долговечное единство и могущество. В союзе с остальными родственными племенами – персами – они многократно отражали набеги старого непримиримого врага – ассирийцев. Но затем над Мидией разразился ряд тяжелых бедствий. Страна была покорена дикими полчищами скифов, до тех пор победоносно отражаемыми. На своих быстрых конях скифы пронесли по Передней Азии, предавая все вокруг смерти, огню, разорению и расхищению и страхом и ужасом наполняя сердца всего азиатского мира, – время, которое юный Иеремия так трогательно изображает в своих жалобных песнях, – пока, наконец, храброму царю Киаксару не удалось освободить свою страну от этого ужасного бича и вместе с тем отомстить ненавистной Ассирии, население которой давно уже было обессилено.

В 606 г. до н. э. пала прославленная преданиями Ниневия. Огромная, блестящая столица была окончательно превращена в пепел. С тех пор «затих шум мирового города, уснули страсти и над равниной проносится порой дух пустыни, в образе песчаного крутящегося столба, перед которым отступает даже алчно ищущий добычи араб». «Ужасно, грандиозно было опустошение. Вид запустения, царствовавшего среди безмолвного мира развалин, напоминает пророче-

ские слова Иеремии: “Сколь страшен стал Вавилон среди народов! Грудой камней, безлюдным убежищем шакалов стал Вавилон, и все, что приближается к нему, приходит в ужас”».

Астиаг, преемник воинственного Киаксара, был дряблой натурой. Это беззаботный, женственно слабый и изнеженный, но все же жестокий деспот. Поэтому неудивительно, что власть перешла к персам.

Этот переворот и основание Персидского мирового царства произошли при Кире. Между тем относительно исторического хода этих событий мы имеем весьма мало достоверных сведений. Уже в очень раннюю эпоху они были искажены множеством легендарных прикрас, включены в романтическую область чудес и мифов и сохранены в сокровищнице поэзии, «в которую юные народы вкладывают свои чувства и свои желания».

Мощное государство, какого еще не видела Передняя Азия, выросшее в течение немногих лет, и появление человека, энергия которого создала все это, произвели на человечество ослепительное, потрясающее впечатление. Поэтому весьма легко понять, что поэзия немедленно завладела образом персидского национального героя, его судьбой и деяниями, разукрасила их легендарными чертами, окружила религиозным поклонением, а его самого в конце концов причислила к богам. История Кира вполне соответствует «поэтическому полумраку, в который облечена жизнь и юные годы выдающихся героев и основателей государств доисторического времени».

Известен рассказ Геродота о полной чудес юности Кира, рассказ, живо напоминающий историю Ромула и Рема. Хотя этот грек посетил родину Кира спустя 100 лет после его смерти, он все же не был в состоянии, при своем наивном прагматизме и глубокой вере в Божественное правосудие, карающее всякое высокомерие и наказывающее по заслугам всякое дерзновение, критически разобраться в персидских сагах, которые он тут слышал, и с некоторой достоверностью установить историческую истину.

Какое мощное и глубокое впечатление произвел вообще персидский герой на последующие поколения, доказывает тот факт, что греческий полководец и писатель Ксенофонт, который лично ознакомился с Персией в 401 г. до н. э., изобразил его в историческом романе идеалом государя.

Историческое величие и великолепие Древнего Ирана пало в 331 г. до н. э. перед военным гением Александра Македонского, между тем как созданное целым рядом политических и социальных революций Новоперсидское царство безвозвратно рухнуло под всеуничтожающим натиском магометанства.

Как некогда иудеи после разрушения Иерусалима, так и верные последователи Ормузда рассеялись преимущественно по обширному азиатскому миру. Здесь, под названием парсы, влчат они свое плачевное существование и с нежной заботливостью лелеют старинные традиции отцовских верований.

С крушением всей иранской цивилизации культура человечества потеряла чрезвычайно много. Лишь жалкие остатки обширной религиозной литературы были спасены парсами, которые унесли их с собой на чужбину.

Религия Ирана

Иранцы разделяли с индусами ведийского периода поклонение божеству небесного светила, солнца, «которое каждое утро вливает в человеческие сердца энергию и показывает мир в новом блеске», а также его земному отблеску, огню прозрачному, ясному воздуху в его победоносной борьбе с враждебными силами природы, духами засухи и бесплодия.

Поклонение огню как таинственной силе, в форме, близкой к фетишизму, встречается у большинства первобытных народов. Облагороженную и более осмысленную форму огнепо-

клонства мы находим у германских народов, где оно и поныне сохранилось в виде пасхальных и Ивановых огней.

Култ очага был в особенности распространен среди индогерманцев. Священный огонь очага является для них как бы центром каждого дома, а вместе с тем – вообще символом оседлого образа жизни, который один только и обуславливает возможность земледелия и материальной культуры, служащей прочным фундаментом для культуры духовной. Погашение огня означает оставление жилища, которым завладевают злые духи ночной тьмы и запустения.

Вокруг священного очага в известные праздники собиралась греческая семья. У очага в доме римлянина стояли статуи ларов и пенатов. Здесь же, как у древних индусов, совершался обряд бракосочетания. В Риме даже само государство заботилось о поддержании вечного священного огня в храме Весты. В хижине древнего германца на очаге пылал неугасающий огонь как символ вечной жизни его семьи и его рода.

Во вспыхнувшем, ярко пылающем огне, «подымающееся пламя которого считалось символом стремления человеческой души к вечному источнику света», иранцы видели не только основу всей культурной жизни, но вместе с тем также самый священный и самый чистый элемент, это был символ нравственной чистоты, источник всего нравственно-прекрасного. На залитых светом горных высотах, вблизи текучих, прозрачных вод, без храмов, без алтарей воздавалось ему нелицемерное поклонение. Постоянно заботясь о поддержании огня, питая его сухим, ароматическим деревом, они надеялись по его пламени и дыму угадать волю божества. К пророческой силе огня обращались в особенности за разрешением в спорных вопросах права – обычай, часто применявшийся также в карательном правосудии немецкого Средневековья.

Возвышенным, благожелательным духам света и огня противопоставлялись иссушающие ветры пустынь, холодные снежные бури как враждебные, страшные силы. Это злые духи тьмы и смерти, которые препятствуют всем человеческим начинаниям. Они обитают на холодном севере, в негостеприимном Туране, население которого, ведущее жизнь кочевников, осталось дикими и невежественными варварами, не имеющими истории; они живут и в знойных пустынях, которые местами прорезывают и окаймляют Иран.

Иран же, где загорается раньше живительный дневной свет, служит обиталищем дружелюбных духов света, которые с благожелательной заботливостью способствуют плодородию страны и доставляют человеческому труду успех и удачу. Две эти силы борются за власть над землей и человеческим родом.

Глубокомысленная, но далеко не бесспорная теория А. Ф. Гумбольдта и Томаса Бокля, что природные условия страны определяют проявления духовной жизни, что физический мир влияет на моральный, что между чувственным и сверхчувственным существует какое-то таинственное взаимодействие, как будто бы находит изумительное подтверждение в особенностях духовного развития обитателей Ирана. Землетрясения, снежные бури, суровые зимы, наводнения – все это угрожало уничтожить плоды тяжелого труда. Жизнь иранцев протекала в колебании между страхом и надеждой, робким ожиданием и бодрящей радостью. Непреодолимые силы природы и ее безграничная власть над миром и человеческой жизнью должны окончательно овладеть сознанием и пробудить веру в добрых и злых, вечно борющихся между собой духов.

Реформатор иранской религии, мудрый Заратуштра, то есть сын звезд, – натура глубоко религиозная, – связал это дуалистическое поклонение природе в одну изумительную, построенную по строгому, глубоко продуманному методу поэтически-философскую систему.

Включать основателя религии в священную хронологию, относить полученное им откровение к той золотой эпохе, когда боги еще общались с некоторыми смертными, было обычным явлением в истории религии.

То же случилось и с Заратуштрой, имя которого всегда с почтением упоминается среди великих основателей религий доисторических времен. Это уже не историческая фигура. Его

личность и наиболее интимные обстоятельства жизни сделались достоянием легенды. Она говорит, что пророк Ирана был царского, даже божественного происхождения. Вся его деятельность подсказана ему непосредственно самим богом. Его молодость полна чудес. Уже на пятнадцатом году он проявил свой выдающийся ум.

Жизнь и деятельность Заратуштры нужно отнести к очень ранней эпохе. Он жил не позже XI в. до Р. Х. Уже около 800 г. его учение господствовало в Восточном Иране и обладало достаточной силой, чтобы отсюда распространиться среди родственных племен, мидян и персов.

Как обо всех основателях высших религий, о Моисее, Будде, Мухаммеде, так и о Заратуштре говорится, что он долгое время жил в уединении пустыни, предавался аскетизму и самосозерцанию и обдумывал принципы своей религиозной реформы.

Глубоко правдивое замечание, что именно между «небесным сводом и безграничной равниной пустыни одинокого и покинутого странника неизбежно охватывает монотеистическое настроение, ибо сухой и прозрачный воздух не вызывает в воображении всех тех чарующих обманчивых образов, которыми наполняет его воображение лесистая страна; здесь нет солнечных лучей, которые, прорываясь сквозь просветы древесной листвы, играют на дрожащих, отражающих свет листьях, здесь нет сучковатых ветвей, ползучих корней странной формы и дуплистых деревьев, того треска и ропота, шороха и шума, шелеста и шепота, вообще всех тех звуков в рощах и лесах, которые так легко дают нам иллюзию невидимой жизни».

Когда пророк приготовился и все обдумал, он начал публично проповедовать свое учение. Повсюду воздвиг он алтари огню и вблизи Каспийского моря посадил кипарис, на коре которого записал, что бактрийский царь Виштауста принял его учение. Вплоть до появления ислама благочестивые служители Ормузда совершали постоянные паломничества к этому священному дереву.

Упоминание в легендах именно о кипарисовом дереве отнюдь не случайность. Вечнозеленое дерево с давних времен и до наших дней служит для обитателей Востока глубокомысленным символом бессмертия и вечности, а также примирения и успокоения.

С той же мыслью мы встречаемся и в древнехристианском мировоззрении. Так, например, на саркофагах первых времен христианства кипарисовое дерево, которое отец церкви Августин назвал деревом праведных и листья которого никогда не увядают, изображено как символ бессмертия. Теперь же кипарисовое дерево под влиянием поэтов, придерживавшихся римского толкования, является преимущественно символом могилы и смерти.

Заратуштра построил свою религиозную систему на основных принципах древнего поклонения природе пантеистического материализма.

У всех умственно развитых народов наступает период, когда натуралистические божества преобразуются в носителей духовных свойств. Проснувшееся в человеке самосознание превращает дурные и хорошие побуждения души в добрые и злые божества и представляет борьбу, которая происходит в человеческой душе между обоими враждебными началами, как борьбу божественных существ, происходящую вне человеческого «я».

На этом поворотном пункте религиозного развития стоит Заратуштра. Он становится выразителем народного духа и пробуждающегося самосознания. Как говорится на языке религии, божество открыло ему то, что должно было стать содержанием новой веры.

Перенеся физическую противоположность между Ираном и Тураном на мир моральный, Заратуштра прежде всего разделил весь мир на два царства: на чистый мир света и мир тьмы. Во главе первого он поставил Ахурамазду как «всеведущего творца и властителя всего существующего видимого и невидимого миров». Из Ахурамазды впоследствии образовалось имя Ормузд. Царство тьмы было подвластно Ахриману, «зло замышляющему». Каждому из этих высших богов были подвластны полчища распределенных по иерархическим рангам духов, которые представляли собой лишь аллегория понятий физических, космических, этических сил и сил природы, но не воплощались в живые образы и были лишены исторической жизни.

Эти два основных принципа существовали с самого начала. Если Ормузд был творцом света и жизни, радостных полей и смеющихся полей, то Ахриман был родоначальником тьмы, ночи и смерти, ибо именно он посылал ледяные зимние вихри и создавал палящий зной пустынь. Если первый сотворил корову, лошадь и собаку, полезных домашних животных, то второй был творцом хищных зверей, змей и вредных насекомых. Если Ормузд старался удерживать людей на стезе добродетели, то Ахриман постоянно стремился завладеть человеческой душой, чтобы склонить ее к постыдным порокам, бросить ее в объятия лжи и сладострастия.

Эта непрерывная борьба за власть над землей и человеческим родом оканчивается поражением Ахримана и всех злых духов, полным примирением великого дуализма между светом и тьмой, добром и злом. Царство света, царство всеобщего совершенства и вечного блаженства должно владеть миром. Души верных последователей Ормузда соединяются для вечной жизни со своими воскресшими телами.

Таким образом, учение Заратуштры свидетельствует о превращении поклонения природе и свету в духовную религию с моральными тенденциями. Поклонение солнцу и звездам и культ огня получили символический смысл и эпическое направление. Существенной стороной и характерной чертой реформаторской деятельности Заратуштры является то высокое значение, которое он придал обработке земли. Его учение представляло собой «религию рациональной культуры земли».

Из сущности этой религии вытекали нравственные задачи жизни человека, служение добру и борьба со злом, как во внешней природе, так и в собственной душе. Только тот человек, который уничтожает вредных животных, змей, гадов, хищных зверей, усердно обрабатывает и орошает землю, сажает полезные деревья и т. п. – потому что такая работа приравнивает его к добрым духам, – только тот человек, который оберегает свою душу от греха и порока, от лжи и обмана, лицемерия и клеветы, который чист словом, делом и помышлением, – только такой человек защищен от злых духов. Они не могут вселиться в него, и после смерти его душа уходит в лучезарное небо и блаженствует пред светоносным ликом Ормузда. «Чистый в помыслах и словах, чистый в своих поступках, молюсь я тебе, – говорит Заратуштра в Ясне, – дозвожь чистоте моего сердца стремиться к тебе, о Ахурамазда. Дай мне крепость устоять в добре, чтобы я мог достичь святости в делах моих, которые служат для меня источником радости и блаженства».

Злой же человек, порочный, лживый, несправедливый, после смерти попадет в ад. Но это не наш ад, с его ужасной безысходностью; назначением его служит не наказание, а просвещение, очищение от грехов. Души злых очищаются всерастворяющим жаром огня, пока наконец они не соединятся с другими просветленными существами на освобожденной от всего порочного земле для общего дела, где, сплотившись в одну семью, с общим языком и общей жизнью, они будут блаженствовать до скончания веков.

Благочестие в мыслях, словах и делах – основное требование, которое учение Заратуштры предъявляет к моральной жизни верующих. Главными добродетелями считаются правдивость и верность, милосердие и сострадание, в то время как ложь, измена и неверность были самыми позорными пороками и преступлениями.

Что эти добродетели, в связи с рациональной обработкой полей, с разведением тенистых садов и плодовых деревьев и т. д., действительно составляли основу государственного общежития, главную характерную черту моральной и религиозной жизни Ирана, – это следует заключить из описаний Геродота и Ксенофонта, так же как представление о сказочном великолении позднейших дворцов и престолов халифов заимствовано лишь из воспоминаний о прежнем величии Персии. Но будет весьма благоразумным не предъявлять к милосердию и сострадательности последователей Заратуштры слишком высоких требований: и менее всего нужно ожидать от античного мира тех взглядов, какие впервые выработало лишь христиан-

ство. Милосердие поклонников Ормузда распространяется на одних лишь верующих, тогда как помощь неверующему равносильна полному подчинению злым стремлениям Аримана.

Более счастливый, чем большинство других пророков, – смелые рыцари духа очень редко или даже никогда не находят на земле награды, – Заратуштра уже при жизни видел плоды своего учения и был вынужден погибнуть для этого мученической смертью.

Основанная им государственная религия Ирана принадлежит к изумительнейшим проявлениям человеческого духа. Это величественное явление привлекло внимание греков и вызвало в них живой интерес. Богатством содержащихся в нем мыслей учение Ормузда пробудило умственную деятельность греческих мыслителей. С целью изучить его на месте Пифагор, Эмпедокл, Демокрит и Платон предприняли путешествие в Персию.

Философские системы этих мудрецов во многих пунктах обнаруживают близкое родство с иранским религиозным учением. Эсхил, Феопомп и Плутарх также были знакомы с религиозным дуализмом.

Персидская государственная религия представляла собой не только логически законченную систему, но вместе с тем и гениальное поэтическое повествование, «смело задуманный, логически развитый, облаченный в художественную форму религиозный эпос, которому нет равных».

Как религиозный поэт, Заратуштра остается недосягаемым образцом во все исторические эпохи. Ни один из великих религиозных писателей позднейших веков, ни Данте, ни Мильтон, ни Клопшток, не могут сравниться с ним. Никогда даже творческая фантазия не возвышалась до такой степени неотразимого влияния и всепокоряющей мощи убеждения, которая действительно была присуща великому Заратуштре.

Глубоко искренний сердечный порыв сказывается в его учении. Ясно чувствуется, что оно было для него откровением. Призывая к неустанной борьбе с царством Ахримана, он совершил величайший нравственный подвиг, равного которому мы не знаем; могучим порывом он вырвал дух человеческий из оков тьмы и суеверий и указал ему путь деятельной любви к человеку, тогда как все остальное человечество – индусы и семитские народы – путем допускающего даже человеческие жертвы примирительного культа пытались смягчить злое начало в природе и человеке, олицетворенное в виде разрушительного божества.

Благодаря своему столь утешительному, столь дорогому для человеческого сердца верованию в воскресение мертвых, в конечное превращение зла в добро смелый поэт, в душе которого, несомненно, таилось неиссякаемое сокровище чистой любви к человеку, не только сумел осветить радостным светом всю жизнь и деятельность древних персов, но косвенно оказал также большое влияние и на христианство, предшественником которого он является. И там, как и здесь, примирение и успокоение являются конечной целью.

Орден атраванов и магов

Из двадцати одной книги Зенд-Авесты, иранского священного писания, которые по традиции приписываются Заратуштре, сохранились лишь Вендидад (то есть «данная против злых духов»), содержащая в себе очерк иранского вероучения; Ясна (то есть «книга жертв»), собрание гимнов и молитв; Висперед (то есть «все властители или гении»), меньшего объема сборник молитв в таком же роде, как Ясна. Но в том виде, в котором эти книги дошли до нас, они составлены не Заратуштрой, хотя несомненные признаки свидетельствуют о том, что великий поэт сам сочинил многие из сохранившихся до нас песен и стихов, в которых он высказывает свои размышления. Несомненно также, что ядро учения, религиозные представления, законы и правила нравственности ведут свое происхождение от Заратуштры и составляют основу древнеперсидского культа огня и света.

Иранское священное писание было составлено многими жрецами уже много времени спустя после того, как замолкло живое слово учителя; писание было приспособлено к потребностям нового времени.

На это указывают нам достоверные признаки: между прочим, там перечислены точные постановления ритуала и богослужения, предписания для различных празднеств, на все часы дня и времена года. Сюда относится также пространное учение об обязанностях, касающееся всех жизненных отношений, казуистическое разделение грехов на роды и классы и определение искупающих их наказаний, очищений и покаянных правил; все это изумительно напоминает позднейший буддизм, с его бессмысленными молитвами, скучными церемониями, с туманными фигурами богов, которые не имеют ничего общего со свежестью и жизненностью мифологических образов у юных народов и весьма нередко переходят в малопонятные олицетворения моральных свойств.

Религия, требующая долгого, далеко не всякому доступного изучения, предписывающая религиозные действия и церемонии, произнесение длинных, точно установленных молитвенных формул, которые предполагают знание сложных обрядов, обуславливающих принять жертвы, – такая религия для выполнения всех полагаемых ею обязанностей нуждается в ученых жрецах, для которых такие действия являются задачей всей жизни.

Это сословие жрецов, как мы знаем со значительной долей вероятности, действительно возникло у восточноиранских народов уже очень рано. Подобно арийцам Индии, арийцы Ирана верили во всепобуждающую силу молитвы и жертвы. Точное знание заклинаний и различных видов жертвоприношений, необходимо подчинявших богов воле человека, передавалось по наследству от отца к сыну в семьях певцов, жертвоприносителей и чтецов молитв.

Реформа, произведенная Заратуштрой, коснулась также и старых жреческих родов. При этом между последними и жрецами – представителями реформированной религии дело дошло до жестокой борьбы, в результате чего жрецы – последователи Заратуштры, уже объединенные новым учением и твердыми правилами новой религии, сплотились еще теснее.

Жреческое сословие Восточного Ирана резко отличалось от остального населения и имело определенные права и обязанности. Только при содействии жрецов мирянин имел право приносить жертву, только их устами мог он надлежащим образом взывать к божеству и отгонять злых духов. Для мирянина не существовало никакого религиозного обучения. В вопросе о происхождении и смерти земных существ он был посвящен лишь настолько, насколько это его лично касалось.

Жреческая иерархия смотрела на свою премудрость – наследование религиозного учения – как на неотъемлемое достояние своего сословия. Поэтому в качестве учеников она принимала в свое общество обыкновенно только сыновей жрецов и лишь в исключительных случаях – других юношей. Сама церемония приема обставлялась весьма торжественно, причем применялись известные символические обряды и соблюдались определенные предписания ритуала.

В жреческих школах, которые заняли место прежних родовых преданий, переходящих из поколения в поколение, воспитанники обучались тайным наукам; занятия эти сводились главным образом к заучиванию правил ритуала и к упражнениям в совершении богослужения. Они посвящались здесь также и в трудное искусство письма, которым обладали одни лишь жрецы. Каждый молодой жрец должен был, кроме того, заучивать наизусть священные писания, и даже в наше время жрецы у парсов знают наизусть всю Авесту. Следовательно, обучение было обставлено такими трудностями, что уже одно это могло породить в жреческой касте стремление к возможной замкнутости.

Жреческое сословие разделялось на несколько классов. Во главе каждого стоял главный жрец. На одном из этих классов лежали определенные обязанности по богослужению. Главным его занятием и самой важной обязанностью было чтение Авесты и поддержание священного огня. Другой класс руководил очищениями, третий совершал жертвоприношения.

Члены общества имели особые знаки отличия, они носили при себе жертвенную чашу, жезл для умерщвления нечистых животных и закрывали платком нижнюю часть лица, чтобы их дыхание не касалось священного огня и этим не оскверняло его.

Жрецы Запада назывались магами. Они также составляли замкнутую, наследственную корпорацию, и на их существование можно найти указания уже в 700 г. до Р. Х.

Несомненно, что и у мидян, и у персов уже с древнейших времен существовали жрецы, которые умели вызывать светлых духов древнеарийской религии и поддерживать отгоняющий злых духов священный огонь. Когда впоследствии новое учение перешло с Востока в Мидию, древние жреческие роды, видя, каким широким и прочным влиянием пользовалось жреческое сословие заносного культа, продолжительная борьба с которым оказалась невозможной, вступили в союз с проповедниками нового учения.

Маги заняли очень влиятельное положение. На них возлагалось попечение о важнейших делах народа. Они являлись не только учеными – теологами и мыслителями, но также и искусными дипломатами, и опытными государственными деятелями, мудрый совет которых имел безусловное влияние на все решения царя. Постоянно сопровождая царя, они заботились о священном огне, который носили перед государем. Они были постоянными учителями и воспитателями царских сыновей. Им одним принадлежало право совершать жертвоприношения, выполнять предписания культа, петь хвалебные гимны, объяснять необычайные явления природы и толковать сны – искусство не только выгодное, но и очень важное. Они были истинными наследниками славы халдеев, а также и их астрологических дознаний и приемов. Благодаря этой «науке» они после падения персидского могущества находили почетный приют повсюду, их имя было окружено таинственным очарованием, в особенности в жадных до всего чудесного странах юга.

Маги жили в огороженных стенами селениях, подчиняясь своим собственным законам; с течением времени у них сложился иерархический строй с жреческими школами, где сообщались древние заклинательные формулы и молитвы, новые очистительные предписания и религиозные постановления, где унаследованные верования получали, благодаря тщательной разработке их, разъяснение и дальнейшее развитие, где толкование священного писания передавалось как тайное учение, в то время как в народном сознании уже давно исчезли древний язык и древние представления. К изучаемым ими наукам принадлежали также естествоведение и медицина.

В жреческих кругах и школах Атраванов, и в особенности в школах магов, иранский культ огня и света воспринял некоторые новые представления и теоретические основоположения; этому содействовало, без сомнения, также и продолжительное общение со стоявшими значительно выше в научном и политическом отношении семитским и греческим мирами.

Учение Заратуштры требовало от человека душевной стойкости и вменяло ему в обязанность постоянный труд, оно поставило для него задачей соблюдение чистоты тела и души, власть над своими страстями. Если человек сохранял телесную и душевную чистоту, если он был правдив в словах и честен в поступках, если он приумножал полезные плоды земные в лесах, полях и лугах, если он умерщвлял зверей, посылаемых злыми духами, то ему была предуготована удача во всех его начинаниях, долгая жизнь на этом свете и вечная жизнь за гробом.

Но жреческие школы не остановились на этом. Они ревностно выясняли новое представление о божестве и вводили культ старых богов в новое вероучение; в реформированном вероучении старые предписания о чистоте превратились в детальные правила о соблюдении чистоты для всех человеческих отношений, для каждого часа дня, для всякого рода человеческой деятельности; наряду с древними заклинаниями богов сложились новые песнопения, пытавшиеся представить божества в качестве этических потенций. Из утонченной диалектики жреческих школ выработалось чрезвычайно сложное учение о чистоте жизни, казуистические

предписания об искушении и правилах покаяния и изобилующее обрядностями внешнее благочестие. Производились обстоятельные исследования по вопросу о формулировке закона и права. Религия предписывала собирать древние песни, сопровождавшие жертвоприношения, устанавливала порядок богослужения. Упорядочивались бесчисленные жертвоприношения и празднества, записывались правила врачебной науки. Врачебное искусство доставило магам приют и почет еще в древнейшие века при дворе халифа Гарун аль-Рашида. Довольно туманное учение Заратустры о конечной победе царства света над царством мрака и зла было разработано полнее. Когда настанет конец мира, придет победоносный герой Соейош (Сраоша) и произнесет свой суд над всеми восставшими от смерти, тогда праведные вознесутся в царство блаженных, неправедные же получают очищение в огненном потоке и, с обновлением тела, приобщаются к вечному блаженству.

Учение о бессмертии и возмездии в загробной жизни составляет, очевидно, основу всего тайного учения жреческой касты Ирана. У индогерманских племен страстная вера в посмертную жизнь являлась существенной частью их религии. В этом отношении изумительное сходство замечается в представлениях об ужасающих пустотах Аида, о елисейских полях Асфodelя, о светлых обителях Валгаллы.

Глава 4. Индусы

Страна и народ Индии

На южной окраине Среднеазиатской возвышенности поднимаются Гималаи, величайшая на земле горная цепь. Этот мощный горный хребет, говорит М. Дункер, «который тянется в длину больше чем на 350 миль, направляясь с запада на восток, определяет природу и жизнь обширной страны, лежащей на юг от него, подобно тому, как Альпы определяют жизнь итальянского полуострова». Гималайский хребет защищает Индостан от холодных ветров, которые несут с собой мороз и разрушение, дуют на Среднеазиатском плоскогорье; он задерживает также дождевые облака, которые приносятся с Южного океана пассатными ветрами и разливаются благодатным дождем над равнинами, расположенными по южным склонам Гималаев, превращая зной солнца в прохладу, а сожженную растительность – в роскошную зелень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.